18+

Лёнька Лёнькович

КОЛЛАЖ

Лёнька Лёнькович

Коллаж

«Издательские решения»

Лёнькович Л.

Коллаж / Л. Лёнькович — «Издательские решения»,

Читателю предоставляется редкая возможность познакомиться с разнообразием и пестротой коллажного искусства, в том числе в литературе, музыке, путешествиях и даже кулинарии. «Если нечто скрыто, то это — цветок, если выставлено напоказ — цветком ему не быть». Это слова Дзеами Мотокиё, японского драматурга, в которых он говорит как будто про коллаж: «то, что скрыто, красивее, чем то, что выставлено напоказ». Очень надеюсь, что с загадками автора вам удастся справиться.

© Лёнькович Л.
© Издательские решения

Содержание

Список иллюстраций 6
От автора 8
Айя-София 19
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Коллаж

Лёнька Лёнькович

Редактор Наталья Астанина

© Лёнька Лёнькович, 2026

ISBN 978-5-0070-1355-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Список иллюстраций

Стр. 8 — Пародия «Милость важнее жертвы»
Стр. 9 — Пародия «В поисках хоббита»
Стр. 10 — Пародия «МетаПародия Николаева»
Стр. 11 — Пародия «Автобиография»
Стр. 43 — Пародия «Убийство в экспрессе»
Стр. 44 — Пародия «Айя-София»
Стр. 45 — Пародия «Восточный экспресс»
Стр. 46 — Пародия «ММЦ «Приморско»
Стр. 47 — Пародия «На войну»
Стр. 48 — Пародия «Святые защитники»
Стр. 49 — Пародия «Ослепление страстью»
Стр. 50 — Пародия «Вёрсты памяти»
Стр. 88 — Пародия «Ходынка»
Стр. 89 — Пародия «Башибузуки»
Стр. 90 — Пародия «Герой свободы»
Стр. 91 — Пародия «Проклятие Мнишек»
Стр. 92 — Пародия «Мавзолей Димитрова»
Стр. 93 — Пародия «Толерантность в Болгарии»
Стр. 94 — Пародия «Стена плача в Одессе»
Стр. 95 — Пародия «Карел Чапек»
Стр. 96 — Пародия «Филателия»
Стр. 136 — Пародия «Гагарин в Болгарии»
Стр. 137 — Пародия «Нищета»
Стр. 138 — Пародия «Манжерок»
Стр. 139 — Пародия «Инна»
Стр. 140 — Пародия «Витоша»
Стр. 141 — Пародия «Кровавое воскресенье»
Стр. 142 — Пародия «Шарада»
Стр. 143 — Пародия «Стакан воды»
Стр. 144 — Пародия «После погрома»
Стр. 145 — Пародия «Януш Корчак»
Стр. 232 — Пародия «Владыка»
Стр. 233 — Пародия «Рощино (Райвола)»
Стр. 234 — Пародия «Здесь твой фронт»
Стр. 235 — Пародия «Красные и белые»
Стр. 236 — Пародия «Митрополит»
Стр. 237 — Пародия «Прощение»
Стр. 238 — Пародия «Грехи смертные»
Стр. 239 — Пародия «Архимандрит»
Стр. 240 — Пародия «Пассажир №12»
Стр. 241 — Пародия «Коллективизация»
Стр. 289 — Пародия «Раскулачивание»
Стр. 290 — Пародия «Буржуй»
Стр. 291 — Пародия «Коллекционер»
Стр. 292 — Пародия «К звёздам»
Стр. 293 — Пародия «Слепцы»

Стр. 294 — Пародия «Поцелуй Иуды»
Стр. 295 — Пародия «Запятая»
Стр. 296 — Пародия «Школа»
Стр. 351 — Пародия «Нью-Васюки»
Стр. 352 — Пародия «Сукияки»
Стр. 353 — Пародия «Борис Годунов»
Стр. 354 — Пародия «Абракадабра»
Стр. 355 — Пародия «Господь силён в брани»
Стр. 356 — Пародия «Хованщина»
Стр. 357 — Пародия «Тень»
Стр. 358 — Пародия «Схиархимандрит»

От автора

Художником можно стать двумя способами.
Первый: делать то, что все считают искусством.
Второй: заставить всех считать искусством то, что делаешь ты.
Том Стоппард

Дорогой читатель, задам вопрос, на который сразу же и отвечу.

Вопрос: «Какой отечественный роман был больше всего раз экранизирован?»

Ответ: «Не поверите, но это „Анна Каренина“ Льва Толстого».

И пусть абсолютный рекорд по количеству экранизаций принадлежит или роману «Три мушкетёра» Александра Дюма (отца), или циклу произведений Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, но роман «Анна Каренина» Льва Толстого прочно занимает своё достойное место в первой десятке с 31 экранизацией.

Хранитель ностальгии по утраченной России, первый нобелевский лауреат от русской литературы и её неутомимый и страстный критик Иван Бунин считал, что роман Льва Толстого «Анна Каренина» своего рода мастер-класс для писателей всех времён и народов: «Затянул, напряг… издевается… когда уже наконец прибудет этот треклятый поезд?!» Но предсказывая мировую славу произведению, говорит, что финал должен быть только таким, какой в итоге у Толстого и получился: «Дочитал „Каренину“. Самый конец прекрасно написан. Может быть, я ошибаюсь насчёт этой части? Может быть, она особенно хороша, только особенно проста?»

Виталий Ремизов, исследователь творчества Льва Толстого, в одной из своих многочисленных статей рассказывал, что у Бунина с годами возрастало восхищение мастерством Толстого-художника. Перед смертью Бунин наизусть читает сцену встречи Анны с Вронским на вокзале во время метели. Читает и плачет, потрясённый исполинской силой толстовского гения.

Настанет день — исчезну я,
А в этой комнате пустой
Всё то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.

И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку —
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой…

Иван Бунин

Конечно, при таком большом количестве экранизаций трудно придумать что-то оригинальное, сохранив при этом уважение к первоисточнику. И вот британский режиссёр Джо Райт

предлагает свою, весьма специфическую, киноверсию «Анны Карениной», которая, как мне кажется, соблюдает оба этих условия.

Британский драматург Том Стоппард, написавший сценарий к фильму, вспоминал: «… мне казалось, что Анна — это семья, а роман — история этой семьи. Конечно, роман теперь принадлежит всему литературному миру, и в каком-то смысле англо-американский фильм имеет на него такое же право, как японский или мексиканский, но у меня были друзья в мире русского театра и литературы, и когда я писал сценарий, то обнаружил, что голова моя наполовину занята тем, какое впечатление произведёт фильм в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Владивостоке… Там-то уж зрители сразу обнаружат вольности, которые я позволил себе по отношению к бессмертной русской классике».

Можно критиковать киноверсию Джо Райта и найти в фильме множество сцен, которые будут зрителю не по вкусу. «There is no accounting for taste» (или «О вкусах не спорят»), — ответит вам Том Стоппард. Хотя мне ближе аналогичное высказывание из нашей традиции — «на вкус и цвет товарища нет». Вот, например, как отзывается один из авторов в интернете: «…спустя время до меня допёрло, что это метафора „Жизнь — театр“. Мир аристократии, в котором жила Анна, был глубоко напыщенным и неестественным. Окружавшее её общество всё превращало в декорации, средь коих нет места настоящему. И если поначалу это с непривычки режет глаз, то с течением просмотра ты проникаешься этим решением и погружаешься в этот искусственный, гиперболизированный мир. Кира Найтли отлично передаёт слабость, уязвимость своей героини. Считаю, что роль Анны — это лучшая её роль в кино».

Посмотрев фильм, согласишься со словами Тома Стоппарда о том, что «художником можно стать», заставив мир «считать искусством то, что ты делаешь». По моему мнению, это высказывание британского драматурга распространяется на любого творческого человека, хотя не все с этим согласятся.

«Я не считаю писателя святым, но слова для меня святы. Они заслуживают уважения. Отберите нужные, расставьте в нужном порядке — и в мире что-то изменится» *(Том Стоппард).*

Фильм Джо Райта «Анна Каренина» был выдвинут на четыре номинации премии «Оскар» в 2013 году, но удостоились награды только костюмы, которые разработала Жаклин Дюрран.

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Берёзы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

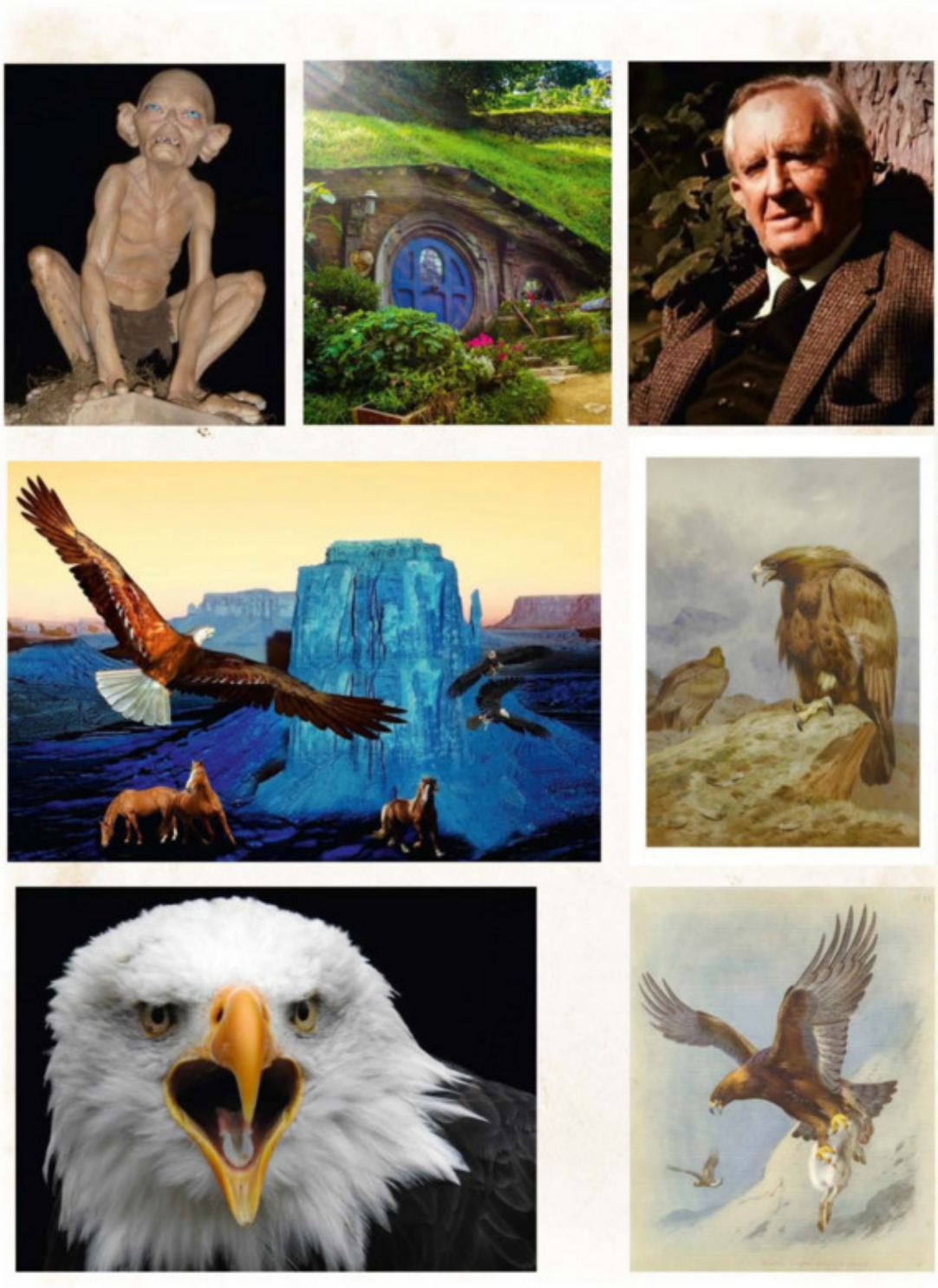
Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко, —

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

Осип Мандельштам

«Если вы хотите изобразить человека и все подробности его конструкции при помощи слов, откажитесь от этой идеи. Чем подробнее вы будете описывать, тем больше вы будете ограничивать воображение читателя и тем больше вы будете отдалять его от предмета своих описаний. Именно поэтому к описанию необходимо добавить рисунок» (*Леонардо ди сер Пьеро да Винчи*).

Пародия «Милость важнее жертвы»



Пародия «В поисках хоббита»

Пародия «МетаПародия Николаева»

Пародия «Автобиография»

Думаю, что споры с Леонардо — гением, воплотившим в себе идеал гуманизма эпохи Возрождения, — о том, нужны ли в книге иллюстрации или нет, — бессмысленны. Эта мысль да Винчи акцентирует внимание на том, что иллюстрации помогают более глубоко понимать и воспринимать мир, особенно детям, чьё воображение ещё только формируется.

Я за иллюстрации. Как приятно взять в руки книгу с качественными рисунками. Перед тобой открывается новый удивительный мир, который манит и завораживает. Видение художника всегда интересно и заслуживает внимания. И среди тех, кто писал картины-иллюстрации по заказу своих любимых писателей и поэтов, есть известные и прославленные имена.

Однако не всем писателям работы художников были по карману. Всемирно известный английский писатель Джон Рональд Руэл Толкин давал своим рисункам скептическую оценку. В письмах он упоминал: «Иллюстрации непомерно дороги, даже если бы у меня достало таланта нарисовать их самому и сэкономить тем самым на гонораре художнику». Хотя известно, что для своих иллюстраций к «Хоббиту» Толкин либо полностью копировал, либо адаптировал работы других художников, например Арчибальда Торберна, Дженни Харбор и Кая Нильсена.

Художник нам изобразил
Глубокий обморок сирени
И красок звучные ступени
На холст, как струпья, положил.

Он понял масла густоту —
Его запёкшееся лето
Лиловым мозгом разогрето,
Расширенное в духоту.

А тень-то, тень всё лиловей,
Свисток иль хлыст, как спичка, тухнет, —
Ты скажешь: повара на кухне
Готовят жирных голубей.

Угадывается качель,
Недомалеваны вуали,
И в этом сумрачном развале
Уже хозяйничает шмель.

Осип Мандельштам

К сожалению, мне не хватило терпения в освоении рисунка, и копировать у меня не получается. Вот и выбрал я коллажирование, не согласившись с Ясоном: «В принципе, книга самодостаточна, так что прекрасно может существовать без иллюстраций, как и без прочих элементов оформления». По-моему, включение иллюстраций, фотографий и других графических элементов может сделать книгу более привлекательной и помочь читателю лучше понять содержание.

«Множество людей считают, что у них нет способностей к творчеству, потому что они не умеют рисовать. Ещё в детстве какой-нибудь преподаватель ИЗО мог внушить эту мысль и заблокировать течение творческой энергии в человеке. Лично мне в школе учитель поставил кол за рисунок пингвина: моя кривенькая птица не соответствовала высоким преподавательским стандартам. Будучи впечатлительной дитятей, верящей в мудрость и правоту взрослых,

я пришла к выводу, что рисовать мне больше не стоит, чтобы не позориться. В моём случае творческая энергия нашла выход через другие занятия, и много лет спустя я даже стала рисовать, сделав „палку-палку-огуречик“ своим стилем и неимоверно хохоча над ним» *(Ольга Кирсанова).*

Однажды я на вернисаж
Зашёл, когда гулял.
Там очень простенький коллаж
Мне в душу вдруг запал.
<…>
Сюжет до удивленья прост,
Вся жизнь то свет, то тень…

Анатолий Сутугин

«Чтобы писать музыку, нужно только вспомнить мелодию, которой не придумал никто другой» — Роберт Шуман. «Конечно же, с Шуманом нельзя не согласиться, но с другой стороны — а если ты вдруг вспомнил мелодию, которую уже придумал кто-то другой, до тебя, и она тебе очень нравится? Ну не бросать же её? Надо работать с этим музыкальным материалом и открывать в нём всё новые и новые грани! В дополнение к Шуману сразу вспоминаются Ильф и Петров (их бессмертный „Золотой телёнок“), когда влюблённый Остап Бендер сочинял стихи Зосе Синицкой: „Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты. Как мимолётное виденье, как гений чистой красоты“ … И только к утру, когда были дописаны последние строки, Остап вспомнил, что это стихотворение уже сочинил А. С. Пушкин… Какой удар со стороны классика!» (*Владимир Мишле*).

Мне было, с одной стороны, радостно, а с другой — удивительно узнать, что коллаж рассматривается как пародия, которая разрешена авторским правом в литературе. Даже посмеялся, когда подумалось, что, разрабатывая и изготавливая коллажи к своим очеркам, попадаю в сообщество пародистов, более понятное российской публике, чем сообщество коллажистов.

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блёстки,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнажённый

При лазоревой луне…
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

Валерий Брюсов

Термин «коллаж» в его современном толковании используется также для обозначения приёма создания целого изображения из ряда отдельных фрагментов других изображений, как правило, при помощи компьютерных программ. В основе создания цифрового коллажа — работа со слоями. В процессе его создания могут применяться различные типы наложения, смешивания и прозрачности. Несмотря на то, что в большей части случаев термин «фотомонтаж» был бы более уместен, границы этих двух понятий при манипуляции изображениями с помощью компьютерных программ практически стираются.

«Нам больше не нужно бояться споров, конфронтаций, проблем с самими собой и с другими людьми. Даже звёзды сталкиваются, и из их столкновений рождаются новые миры. Сегодня я знаю, что это — Жизнь» (*Чарли Чаплин (Спенсер)*).

«Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах, посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей» (*Псалтырь 45:2—3*).

Хрустя по серой гальке, он прошёл
Покатый сад, взглянул по водоёмам,
Сел на скамью… За новым белым домом
Хребет Яйлы и близок, и тяжёл.

Томясь от зноя, грифельный журавль
Стоит в кусте. Опущена косица,
Нога — как трость… Он говорит: «Что, птица?
Недурно бы на Волгу, в Ярославль!»

Он, улыбаясь, думает о том,
Как будут выносить его — как сизы
На жарком солнце траурные ризы,
Как жёлт огонь, как бел на синем дом.

«С крыльца с кадилом сходит толстый поп,
Выводит хор… Журавль, пугаясь хора,
Защёлкает, взовьётся от забора —
И ну плясать, и стукать клювом в гроб!»

В груди першит. С шоссе несётся пыль,
Горячая, особенно сухая.
Он снял пенсне и думает, перхая:
«Да-с, водевиль… Всё прочее есть гиль».

Иван Бунин

Айя-София

Ты обойдён наградой? Позабудь.
Дни вереницей мчатся? Позабудь.
Небрежен Ветер: в вечной Книге Жизни
Мог и не той страницей шевельнуть…
Омар Хайям
(перевод Ивана Тхоржевского)

2 марта 1978 года секретариат Союза кинематографистов СССР обсуждал программу работы созданного в 1977 году Совета по приключенческому и научно-фантастическому фильму. «В деле коммунистического воспитания молодёжи, духовного формирования нового человека не используется в достаточной мере одно из наиболее эффективных и действенных средств киноискусства. При этом дефицит в остросюжетных, зрелищных лентах с каждым годом всё более покрывается за счёт фильмов зарубежного производства, — говорилось в проектной записке инициативной группы. — Такое положение является нетерпимым» (*Летопись российского кино. 1966—1980. М.: КАНОН-Плюс, 2024*). Видимо, это решение стало запоздалым ответом на два постановления ЦК КПСС: «О литературно-художественной критике» (от 21.01.1972) и «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» (от 10.08.1972), где также подчёркивался вред буржуазной идеологии и пропаганды и необходимость непримиримой идеологической борьбы с такого рода явлениями и влияниями. В частности, говорилось, что советская литературно-художественная критика все ещё недостаточно активна «в разоблачении реакционной сущности буржуазной „массовой культуры“ и декадентских течений, в борьбе с различного рода немарксистскими взглядами на литературу и искусство, ревизионистскими эстетическими концепциями» (*Там же*).

Неудивительно, что, например, журнал «Советский экран» резко сократил число материалов о западном кино, а сам буржуазный кинематограф стал подвергаться более строгой критике. В течение многих лет нельзя было себе даже представить, чтобы на первой обложке журнала появилась фотография западной кинозвезды, хотя такое случалось в 60-е годы XX столетия, например в 13-м номере за 1965 год советским читателям с обложки журнала улыбалась французская актриса Марина Влади.

Почему вдруг мне захотелось поговорить о кинематографе 70-х годов прошлого столетия? Ничего удивительного. В перечне многочисленных обязанностей второго секретаря одного из московских райкомов комсомола была необходимость контролировать тематику молодёжных фильмов, демонстрируемых в кинотеатрах района. Особое внимание уделялось кинотеатру «Комсомолец», единственному с таким названием в Москве, построенному в 1964 году на Дмитровском шоссе, между железнодорожными станциями Окружная и Петровско-Разумовская. В те годы новости советского киноискусства мы искали в журнале «Советский экран», который для меня стал настольной книгой, ведь не мог молодёжный лидер не знать о текущих событиях в кино. А напомнил о том далёком времени случайно сохранившийся номер журнала за октябрь 1978 года. Меня удивила статья кинокритика Владимира Дмитриева «Ключ к прозе Агаты Кристи», в которой автор хвалил картину «Убийство в Восточном экспрессе» американского режиссёра Сиднея Люмета. «Роман Кристи, написанный много лет назад, утверждал идею обязательного возмездия за содеянное, доказывал, что преступление будет вечно преследовать того, кто его совершил, пока не придёт час расплаты, — рассуждает Дмитриев в своей статье. — Не отказываясь от этой мысли, достаточно актуальной и сейчас, фильм выдвигает, однако, на первый план иную, по-современному кровоточащую в западном кино идею: о праве человека вынести кому-то или чему-то свой собственный при-

говор». Причём кинокритик даже предлагает обсудить эту идею, говоря, что это «достаточно веский довод к сегодняшней дискуссии». В заключение автор утверждает, что «ради этого старый роман Агаты Кристи экранизировать стоило».

А что такое приключенческое кино? В том же журнале «Советский экран» 1978 года (номер 23) была размещена статья Александра Трошина «Приключенческий фильм: вчера, сегодня, завтра», в которой рассказывается о проведённой под эгидой Госкино всесоюзной научно-практической конференции, посвящённой развитию приключенческого жанра. «Приключенческий фильм — это когда герой действует, делает дело и почти не разговаривает», — раскрыл на конференции своё понимание приключенческого фильма режиссёр Эдмонд Гарегинович Кеосаян. Правда, с ним не все согласились, утверждает автор статьи: «…в частности, [Артемий Григорьевич] Дубровин, утверждавший, что и слово может быть важным компонентом приключенческих фильмов».

Далее Александр Трошин сообщает: «Увеличилось и общее количество приключенческих фильмов. В 1976 году их было выпущено 10, в 1977-м — 15. В нынешнем году выходят на экран 16, а на 1979 год планируется уже 20 приключенческих лент. „Прогресс налицо“, — подытожил приведённые им факты и цифры редактор Госкино СССР [Игорь Владимирович] Раздорский».

Ещё одной причиной, заставившей меня вдруг вспомнить события конца 70-х годов прошлого столетия, предшествовавших московской Олимпиаде и связанных с кинематографом, а именно с приключенческим кино, стала моя зарубежная поездка, которую можно рассматривать именно в этом жанре. Только как приключение можно воспринимать то, что руководителем молодёжной группы назначили «невыездного» выпускника Бауманского института, который успел поработать, имея допуск к государственной тайне, на кафедре в «ракетном колледже», как называли иногда престижный вуз за рубежом. Хотя кто-то скажет, что в Советском Союзе никто не воспринимал Болгарию как зарубежную страну и даже часто называли её одной из советских социалистических республик. Точнее — шестнадцатой. В те годы даже ходил слух, что лидер Народной Республики Болгарии Тодор Живков обратился с просьбой принять его страну в состав СССР к лидеру Советского Союза Леониду Ильичу Брежневу, но… тот отшутился пословицей: «Курица — не птица, Болгария — не заграница». Как бы там ни было, для большинства советских людей Болгария была едва ли не единственным зарубежным морским курортом, куда хотя бы теоретически можно было попасть. Причём, надо сказать, многие там успели побывать: туристические путёвки в Болгарию действительно получали простые граждане, не имеющие серьёзного блата. А коньяки «Слынчев бряг» и «Плиска» даже вошли в фольклор, например: «Счастье близко, счастье близко, есть коньяк болгарский „Плиска“».

А при чём здесь «Восточный экспресс»? Только в связи с поездкой на поезде. Центральный герой романа и фильма — гениальный сыщик Эркюль Пуаро возвращается из Сирии через Стамбул в Европу. Его провожает французский лейтенант Дюбоск. В романе проводы состоялись на платформе сирийской станции Алеппо, вдоль которой вытянулся состав, торжественно именуемый в железнодорожных справочниках экспрессом «Тавры».

« — Сегодня воскресенье, — поддерживал светскую беседу лейтенант, — завтра, в понедельник, к вечеру вы будете уже в Стамбуле.

<…>

— Да, именно так, — согласился месье Пуаро.

— Полагаю, что вы задержитесь там на несколько дней?

— Mais oui (*Ну да!*). Я никогда ещё не был в Стамбуле. Было бы огорчительно проехать через него просто так, — Пуаро красноречиво щёлкнул пальцами, — не останавливаясь. Срочных дел у меня сейчас нет, так что я останусь там на несколько дней как турист.

— Святая София просто великолепна, — с важностью заметил лейтенант, который её никогда в жизни не видел» (*Агата Кристи «Убийство в «Восточном экспрессе»»*).

В фильме ещё удивительнее. Лейтенант, провожая сыщика в порту Хайдарпашу, перед посадкой на босфорский паром говорит, что тот будет потрясён видом Святой Софии, и тут же отвечает на вопрос Пуаро: «А вы видели её?» — «Нет!»

Можно только предположить, насколько богатое воображение у лейтенанта. Между тем Эркюль Пуаро не увидит известнейшего собора, превращённого османами в мечеть. Ему срочно потребуется уехать в Лондон на экспрессе «Стамбул — Триест — Кале», который следовал через столицу Болгарии Софию, почему-то не упомянутую в романе.

Айя-София — здесь остановиться
Судил Господь народам и царям!
Ведь купол твой, по слову очевидца,
Как на цепи, подвешен к небесам.

И всем векам — пример Юстиниана,
Когда похитить для чужих богов
Позволила эфесская Диана
Сто семь зелёных мраморных столбов.

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на запад и восток?

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон — света торжество;
На парусах, под куполом, четыре
Архангела прекраснее всего.

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживёт,
И серафимов гулкое рыданье
Не покоробит темных позолот.

Осип Мандельштам

Когда мне сообщили, что я назначен руководителем молодёжной группы для поездки в Болгарию, в моём воображении нарисовался поезд из Москвы, например, в Ниццу с пересадкой в итальянском Милане на экспресс Кале — Триест — Стамбул, который следовал бы через железнодорожный тоннель в Альпах, называемый Симплонским, и остановкой в Софии.

К сожалению, это было только в видениях. Мы действительно из Москвы поехали на поезде, но не в сторону Парижа, а на юг, в Одессу. Группа собиралась на Киевском вокзале, откуда начиналось наше путешествие, которое, к сожалению, для меня было омрачено скандалом, который устроили перед отъездом жена с тёщей на глазах моего трёхлетнего сына. К

тому же заболела одна из туристок, о чём я узнал перед самым отходом поезда. Так что нас осталось тридцать четыре комсомольца, желающих приключений и странствий. Причём мужчин в группе была всего одна пятая часть.

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка…
Кто поймёт, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?
<…>
Поезд тронулся — на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

Марина Цветаева

Кто-то скажет, что я не первый, кто рассматривает поезд в качестве метафоры ковчега, который везёт к спасению. «Поезд промчался мимо длинного кирпичного дома с садом и четырьмя толстыми пальмами, в тени которых стояли столики. По другую сторону полотна было море. Потом пошли откосы песчаника и глины, и море мелькало лишь изредка, далеко внизу, под скалами». Так начинается рассказ «Канарейка в подарок» Эрнеста Хемингуэя. История проста, как одиночный выстрел. Мать и дочь. Любовь и эгоизм. Жизнь, искалеченная чужой волей. Вот так случилось в жизни дочери, вот так и «поезд промчался…». Рассказ строится на противопоставлении нескольких сюжетных линий, и в конце один из слушателей-американцев, автор повествования, вдруг коротко сообщает о себе: «Мы возвращались в Париж, чтобы начать процесс о разводе». У меня же мысли о разводе замелькали сразу, как только закрылась дверь тёщиной квартиры, в которой осталась жена с сыном и из которой я отправился в страну приключений. У Хемингуэя есть ещё два рассказа — «Переезжая Миссисипи» и «На Биг-Ривер», — которые начинаются со слова «поезд» и с описания его движения, как будто это ковчег, который обязательно доставит пассажиров на остров спасения.

Еду, всё еду… Меня укачало…
Видов обрывки с обеих сторон;
Мыслей толпа без конца и начала;
Странные грёзы — ни бденье, ни сон…

Трудно мне вымолвить слово соседу;
Лень и томленье дорожной тоски…
Сутки-другие всё еду, всё еду…
Грохот вагона, звонки да свистки…

Мыслей уж нет. Одурённый движеньем,
Только смотрю да дивлюсь, как летят
С каждого места и с каждым мгновеньем
Время — вперёд, а пространство — назад.

Алексей Жемчужников

Для меня этим островом стала Болгария, начавшаяся с портового города Бургас, в который самолёт доставил нас из Одессы. К радости, первые семь дней в Болгарии мы провели на черноморском побережье, в международном молодёжном лагере «Приморско», решение о создании которого было принято 2 июля 1955 года. Через два года началось строительство, и уже в 1959 году открыл свои двери первый палаточный лагерь для болгарских школьников. Вначале молодёжный центр, получивший имя Георгия Димитрова, вмещал около 2300 посетителей, но потом это число резко возросло. Для иностранной молодёжи предназначались три больших отеля: «Бисер», «Нептун» и «Горизонт», а также различные бунгало, рестораны и кемпинги. Даже был один национальный ресторан с фольклорной программой и танцами на углях, точнее так называемыми ритуальными танцами нестинаров. Считается, что нестинарство — это смешение древних языческих и православных традиций.

Создание международного молодёжного центра в районе Приморско было частью более масштабной программы, по которой в 50-е и 60-е годы прошлого века были созданы курорты Албена, Солнечный Берег и Золотые Пески, а также началось развитие небольших прибрежных сел, таких как Созополь, Поморие и Несебр, мало популярных в те годы. Через некоторое время и маленькое рыбацкое село Приморско превратилось в морской курорт, расположенный в 55 километрах южнее города Бургаса, в северо-восточной части гор Странджа. Отсутствие промышленных предприятий обусловливает чистоту и красоту этого уголка. Комплекс находится среди густой естественной растительности. Летом морская вода чистая, спокойная и тёплая. Дно песчаное, ровное и постепенно уходит вниз. Гостиницы расположены в 150—300 м от пляжной полосы.

В 5 километрах севернее города Приморско расположен удивительный заповедник Ропотамо, который назван по имени протекающей через него реки, берущей начало в горах Странджа и впадающей в Черное море. Кроме реки заповедник включает уникальные природные объекты: лиман, водно-болотные угодья, леса, горные хребты, скальные феномены, песчаный пляж, скалистый берег, залив и Змеиный остров.

Сейчас, когда закрываю глаза и вспоминаю начало своего путешествия в поезде Москва — Одесса, мне бессознательно рисуются картины из чудесного, но трагического рассказа Ивана Бунина «Генрих». При этом тогда у меня не было возможности вспомнить, что писателем написано в его «Тёмных аллеях». В школьной программе 60-х годов прошлого столетия в Советском Союзе не было места для эмигранта Бунина, который в своей речи 16 февраля 1924 года в Париже назвал одного из организаторов Октябрьской революции 1917 года в России, а именно Ленина, «выродком, нравственным идиотом от рождения», который «разорил величайшую страну и убил несколько миллионов человек». В составе группы ехала Инна, член комитета комсомола одного из многочисленных в районе научно-исследовательских институтов, отвечающая за молодёжный туризм. Ещё на первом собрании я обратил на неё внимание. Мне она показалась очень красивой и неординарной. В поезде, видимо, ей удалось по моему внешнему виду понять, что у меня на душе кошки скребут.

И действительно, было мне очень плохо, когда всё раздражает, ничего не получается, не хочется никого видеть, тем более общаться. Антон Павлович Чехов объяснял своему другу, издателю газеты «Новое время» Алексею Суворину, в письме от 24 августа 1893 года: «У Вас нервы подгуляли, и одолела Вас психическая полуболезнь, которую семинаристы называют мерехлюндией». В его драме «Три сестры» Маша, одна из героинь, признаётся сёстрам: «Я уйду… Сегодня я в мерехлюндии, невесело мне». Кто-то, говоря о мерехлюндии и объясняя, что это уныние, тоска, хандра, апатия, плохое настроение, непреходящая печаль и непонятная грусть, сравнивает её с меланхолией. Но если «меланхолия» — это томно-возвышенная печаль, то слово «мерехлюндия» с точки зрения психологии имеет ближайшим синонимом слово «хандра». Или сплин. Есть такое слово, нынче устаревшее. То есть это не болезнь, которая называется депрессией. Настоящая депрессия — это серьёзное заболевание, которое

лечится медикаментозно и психотерапией. А мерехлюндия вызвана больше внешними факторами, переходящими в поведенческие особенности, когда не хочется совершенно ничего.

Недуг, которому причину
Найти уже давно пора,
Подобный английскому сплину,
Короче, русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.

Александр Пушкин

Но в силу моих обязанностей и врождённой ответственности моё сознание находилось в непрестанной борьбе с нахлынувшей на меня мерехлюндией. Инна пыталась отвлечь меня от грусти, хотя бы форшмаком, приготовленным её загорелыми руками.

Отъехав от Москвы утром, мы в дороге провели почти сутки и приехали в Одессу очень рано. В поезде группа не скоро, но всё же угомонилась, а вечером, наверное, от усталости и от множества пережитых нами ощущений, воцарилась сонная тишина. Я тоже на верхней полке попробовал заснуть. Хотя сон мой был очень прерывистый, одолевала боязнь ограбления, и всё же были даже какие-то сны. Боялся я за документы и деньги всей группы, которые хранились у меня. А сны были связаны с Инной.

Но безумье одолело, всё кричу: аман, аман!
От плечей лилейно-белых в голове моей туман,
Эти с родинкой шамамы! Ах, не мне судьбою дан
На лугу родник молочный… о, аман! — кричу опять.

Саят-Нова
(перевод Дмитрия Виноградова)

Мне казалось, что мы с Инной вдвоём в купе скорого поезда. Сейчас, вспоминая ту беспокойную и далёкую ночь, я думаю, что в «Генрихе» Бунин очень точно описал именно моё состояние души: «…почувствовал в тёплом купе счастье совсем семейной ночи. Она откинула на постели угол одеяла и простыни, вынула его ночное белье, поставила на столик вино, положила плетёную из дранок коробку с грушами и стояла, держа шпильки в губах, подняв голые руки к волосам и выставив полные груди, перед зеркалом над умывальником, уже в одной рубашке и на босу ногу в ночных туфлях, отороченных песцом. Талия у неё была тонкая, бёдра полновесные, щиколки лёгкие, точёные. Он долго целовал её стоя, потом они сели на постель и стали пить рейнское вино, опять целуясь холодными от вина губами».

Просыпавшись и понимая, что чемодан мой украсть, не подняв моего соседа по нижней полке, невозможно, снова погружался в тревожный сон, разговаривая с Инной: «Ах… как люблю я вот такие вагонные ночи, эту темноту в мотающемся вагоне, мелькающие за шторой огни станции — и вас, вас, „жены человеческие, сеть прельщения человеком“! Эта „сеть“ нечто поистине неизъяснимое, божественное и дьявольское, и когда я пишу об этом, пытаюсь выразить его, меня упрекают в бесстыдстве, в низких побуждениях… Подлые души! Хорошо сказано в одной старинной книге: „Сочинитель имеет такое же полное право быть смелым в своих словесных изображениях любви и лиц её, каковое во все времена предоставлено было в этом случае живописцам и ваятелям: только подлые души видят подлое даже в прекрасном или ужасном“» (*Иван Бунин «Генрих»*).

Возвращаясь к стихотворению армянского поэта Саят-Нова (Арутюн Саядян), нужно уточнить, что шамамами называли маленькие ароматные дыни жёлто-алого цвета, которые обычно не едят, а ставят на столе, на полках как украшение и источник душистого запаха; также распространённое в народной и ашугской поэзии сравнение для женской груди. Во времена Османской империи было традицией носить в руке или кармане одежды шамаму, чтобы приятно пахнуть и чувствовать себя радостным, а также это придавало статус обладателю этого фрукта. В Турции до сих пор выращивается шамама.

В Одессе мне посчастливилось познакомиться с Инной поближе, а в Болгарии уже первый вечер мы провели вместе, увидев нестинаров, поражающих зрителей своими танцами на углях.

В группе с Инной ехали три её подруги, у одной из которых были друзья Христо и Иванка из города Червен-Бряг. Эта семейная пара на своём автомобиле ЗАЗ-965 («Запорожец», а ещё «горбатый», «малыш», «зазик», «жужик», «запор») показали нам пятерым и примкнувшему одногруппнику Фёдору красоты заповедника Ропотамо и городка Созополь. Сколько лет прошло, а закрываю глаза — и как будто передо мной улица со сказочными игрушечными домиками коротышек из Цветочного города.

Хотя буду не совсем прав, потому что каждый посёлок, деревушка или город по-своему хорош. Каждый труд важен и заслуживает уважения. У реки действительно два берега, но мне посчастливилось поселиться среди добра. Зло пытается построить мост, хотя бы пешеходный, в моё сердце, но все время достаёт не тот проект для своей туманной стройки. Это оттого, что на другом берегу реки забыли свечу убрать с подсвечника.

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе лёгким белым краем
Встаёт, сияет облако. Давно
Слежу за ним… Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне…
Я вижу, слышу, счастлив. Всё во мне.

Иван Бунин

Незабываемая неделя на Черноморском побережье Болгарии с молодёжной группой и Инной в одноместном номере. Потом Шипка — гора славы и слёз. Каждый болгарин стремится хотя бы раз в году подняться на Памятник Свободы на перевале Шипка — мемориал в память павших за освобождение Болгарии во время обороны перевала в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Здесь преклоняют колени, вспоминая героев, и оставляют живые цветы на могилах усопших, отдавших свои жизни за свержение пятивекового османского вла-

дычества над болгарскими землями. Впечатляет храм-памятник Рождества Христова — первый памятник болгаро-русской дружбе на территории Болгарии, расположенный на южной стороне Шипкинского перевала, идея строительства которого принадлежала Ольге Николаевна Скобелевой, матери прославленного генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, которого болгарский народ считает национальным героем.

Из Приморско на автобусе через Шипку наша группа поздно вечером приехала в город Плевен, в котором провела две ночи. Так будет точнее, потому что после завтрака на второй день мы отправились в столицу Болгарии — Софию.

После первой беспокойной ночи с размещением в гостинице, поздним ужином и ранним завтраком, утром наша группа отправилась к мавзолею-усыпальнице русских и румынских воинов, погибших под Плевной, как некогда называли город. Торжественное открытие и освящение мавзолея-часовни Святого Георгия Победоносца состоялись 16 сентября 1907 года в присутствии генерала Николая Григорьевича Столетова, командира болгарского ополчения. Причём образ памятника является символом города Плевен и изображён на его гербе. В нашей истории очень часто забывают отметить то, что в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов союзником России была Румыния, которая направила в Болгарию довольно значительную армию.

Наша болгарская спутница Сабина, она же переводчик, сопровождающая и гид, уточнила:

— Часовня-мавзолей Святого Георгия Победоносца фактически является православным храмом, возведённым по проекту болгарского архитектора Пенчо Кончева. Здание выполнено в неовизантийском стиле и напоминает древнерусские храмы и собор Святой Софии в Константинополе. В трёх саркофагах часовни хранятся кости русских, украинских, румынских и финских воинов, погибших в боях под Плевной. Зал часовни славится своей прекрасной акустикой, поэтому здесь не только проходят богослужения, но часто проводятся концерты классической и православной музыки.

Почему-то мне не запомнилось ни название гостиницы, в которой мы размещались в Плевене, ни её место расположения. Помню только, что шли мы к часовне-мавзолею Святого Георгия Победоносца, которая находится в центре города — на площади Возрождения, по правому берегу реки Тученица, мимо церкви Троицы Живоначальной.

— Обратите внимание, — продолжила рассказ Сабина на площади перед часовней, — над входом расположена символичная статуя Святого Георгия Победоносца работы скульптора Жеко Спиридонова. Святой Георгий повергает змея, во лбу которого виден турецкий полумесяц. На конце копья — православный крест. Внутри часовни резной иконостас работы болгарского мастера Ивана Трывнишкова, выполнен из липы и отделан позолотой. Ещё до окончания строительства храма иконостас получил признание в 1906 году на Всемирной выставке в Париже. К сожалению, пройти в часовню сложно. Лишь четыре раза в год в часовне проводятся службы — 1 марта (день смерти русского императора Александра II, называемого в Болгарии царём-освободителем), 3 марта (национальный праздник Болгарии — день освобождения от османского ига), 6 мая (день почитания Георгия Победоносца) и 10 декабря (день освобождения Плевны).

Кто-то удивлённо спросил болгарку:

— А при чём здесь финны в Русско-турецкой войне?

Сабина принялась подробно отвечать на вопрос:

— Думаю, что вам известно о Великом княжестве Финляндском, которое никогда не входило в состав Российской империи, а принадлежало русскому царю на правах личной унии. Соответственно, оно имело свой государственный язык, свою денежную единицу, отдельную почтовую и железнодорожную систему, свой парламент, свои законы, своего министра-статс-секретаря, который представлял дела Финляндии непосредственно императору. Российским

был только назначаемый царём генерал-губернатор. Армия тоже была отдельной — точнее, целых две: «финляндские» полки, которые комплектовались согласно общероссийским законам русскими и прочими народностями и находились на территории Финляндии, по сути, как «оккупационные» войска, обеспечивая подчинение центру этой полунезависимой провинции. Кроме этого, были «финские» полки, которые комплектовались в Финляндии по своим законам, предназначались для защиты страны и не должны были использоваться вне границ Финляндского княжества. В составе последних был отдельный Финский лейб-гвардии стрелковый батальон, который принадлежал гвардии, что обязывало его быть там, где это нужно императору. О чём я хочу вам сказать? Неудачи российско-румынских войск под Плевной заставили российского императора Александра II принять решение о направлении на фронт своей гвардии, в том числе названного отдельного Финского лейб-гвардии стрелкового батальона, который за восемь месяцев боев потерял почти одну шестую часть своих бойцов, из которых большинство умерли от болезней.

Постояв молча перед часовней Святого Георгия Победоносца и возложив цветы рядом с установленными венками, мы, перейдя уже известную реку Тученица, отправились, не спеша, в юго-западную часть города, где на месте старых редутов Исаага и Кованлыка, на невысоком холме, раскинулся Скобелевский парк с братской могилой, в которой погребены останки тысячи русских воинов. На вершине холма — известная панорама «Плевенская эпопея 1877», созданная в честь 100-летия Плевенской битвы по образцу Бородинской панорамы в Москве.

От центральной площади Возрождения простирается зелёная зона вдоль реки Тученица и улица, ведущая к площади Сливница, где начинается улица Генерала Скобелева, которая приведёт вас в Скобелевский парк.

По дороге Сабина рассказывала нам, что первый штурм города русские войска предприняли 18 июня 1877 года, но безуспешно, потеряв убитыми и ранеными около 2400 человек. Второй штурм, снова плохо подготовленный, состоялся 30 июля. Несмотря на многочисленные жертвы (свыше 7000 убитых и раненых), штурм окончился неудачей.

11 и 12 сентября стотысячная русско-румынская армия осуществила третий штурм города. Номинально боевыми действиями руководил румынский князь Кароль I, фактически — начальник штаба генерал-лейтенант Павел Дмитриевич Зотов. За их действиями наблюдали российский император Александр II и главнокомандующий Дунайской армией Великий князь Николай Николаевич, находившиеся под Плевной. По своим масштабам и кровопролитию этой битве не было равных за всю войну. Ценой неимоверных усилий русско-румынские войска захватили один редут восточнее города. Турецкую оборону прорвать не удалось. Лишь отряд генерал-майора Михаила Дмитриевича Скобелева овладел турецкими укреплениями юго-западнее города и вплотную подошёл к Плевне. Высшее командование, несмотря на то что активных действий восточнее и юго-восточнее Плевны не велось, Скобелева не поддержало, и он со своим отрядом, отчаянно отстреливаясь, вынужден был отойти под натиском превосходящих сил противника. Историки до сих пор спорят о том, почему русское командование не стало поддерживать столь успешный марш-бросок. Хотя ответ на этот вопрос дать невозможно.

В результате двухдневных непрекращающихся боев пало 16 000 убитых и раненых русских и румын. Третий штурм завершился, так и не принеся победы.

В военных кругах России уже было желание прекратить войну и отвести войска за Дунай. Однако возобладало другое мнение. Было решено усилить армию и подготовить новую осаду Плевны.

— Из России прибыл выдающийся военный инженер генерал Эдуард Иванович Тотлебен, который организовал блокаду города, — продолжала рассказ Сабина уже в Скобелевском парке. — В конце октября русские и румыны начали строить укрепительную блокадную линию. Турецкая армия попала в полную изоляцию, существенную роль сыграли и защитные бои на

Шипке, где болгары и русские ценой невероятных жертв остановили устремившуюся в Плевну сорокапятитысячную армию Сулеймана-паши, не дав ей перейти через Балканы. После пятимесячной осады Плевна сдалась.

За разговором мы поднялись на вершину холма, к уникальному памятнику-панораме «Плевенская эпопея 1877 года», который был открыт в 1977 году в честь столетия освобождения Плевена от турецкого рабства.

— Основные достопримечательности в Плевене связаны с Русско-турецкой войной. — Сабина остановилась перед входом в панораму. — Проходя по парку, вы видели издалека братскую могилу, в которой погребены останки тысячи русских воинов. Болгары с огромным вниманием, уважением и благодарностью вспоминают те далёкие события. Конечно, впечатляет памятник-панорама, перед которой мы находимся. Вы сможете наглядно увидеть трагические события той страшной войны. Внушительное здание находится в самом центре поля боя времён российско-турецкого противостояния 1877—1878 годов и расположено в парке-музее, названном в честь героя войны, генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева. Здание выглядит как обрезанный конус, поднятый на четырёх стилизованных штыках. Четыре кольца опоясывают величественное здание — верхние три символизируют три штурма города, а четвёртое, нижнее, со штыками, — последующую его блокаду. Панорама «Плевенская эпопея 1877» представляет собой весьма занимательный и необычный музей. Звуки выстрелов, пушечных залпов, ломающихся костей и теряющихся в гуле сражения человеческих криков — остались в прошлом. Но благодаря уникальной выставке вы сможете уловить частичку той пугающей и героической атмосферы.

Купив билеты, мы расположились вокруг нашей милой болгарской спутницы, которая продолжала свой рассказ:

— В здании располагаются четыре зала: вводный, панорамный, диорамный и заключительный. Во вводном зале находятся произведения живописи, иллюстрирующие историю Болгарии и ход Русско-турецкой войны.

Группа неторопливо осмотрела картины и экспонаты вводного зала, потом прошла за Сабиной в следующий зал, где продолжила слушать своего гида.

— Панорамный зал, имеющий диаметр 40 метров, предлагает вниманию зрителей эпическое полотно, вытканное изо льна всего с одним соединительным швом, высотой в 15 и длиной в 115 метров. На нём изображены события, произошедшие при третьем штурме города Плевен. Над созданием полотна работала российско-болгарская группа художников под руководством живописца Николая Овечкина. Нижняя часть панорамы представляет собой подножие, на котором располагаются копии предметов и оружия тех времён для передачи соответствующей атмосферы.

Наши туристы, перешёптываясь друг с другом, обходили по кругу художественное полотно, иногда вглядываясь в изображения и пытаясь представить происходившее на поле боя. Сабина не торопила нас. Так что все смогли убедиться в достоверности её рассказа.

Потом мы перешли в диорамный зал, где увидели живописное полотно, которое демонстрировало заключительный бой за город в районе реки Вит 10 декабря 1877 года. Размер этого полотна — 5 метров в высоту и 17 в длину.

И, наконец, заключительный зал. В нём находятся две картины, изображающие акт капитуляции Османа-паши и переход армии Российской империи через Балканские горы.

— Река Вит протекает на север западнее Плевена, — продолжала Сабина, собрав группу уже на улице перед зданием панорамы. — Она впадает в Дунай примерно в 50 километрах от города. За Дунаем — Румыния. В реку Вит впадает Тученица, которую вы уже видели. Недалеко от Скобелевского парка второй редут Кованлык и Мёртвая долина, где пали смертью храбрых свыше 6000 русских и румынских воинов. Тотлебенов вал расположен в Кайлыке. На высоком холме у реки Вит возвышается Памятник Победы, а под ним — мост через реку, где

развевалось белое знамя побеждённого Осман-паши. В окрестностях Плевена, к югу от города, в долине реки Тученица тянется парк «Кайлыка»: отвесные скалы высотой более 20 метров, богатая растительность, озера, плавательные бассейны, аллеи, уголки отдыха, спортивные площадки.

Наша пешеходная экскурсия по городу закончилась. Переполненные информацией и впечатлениями, мы шли в гостиницу на обед. После обеда у наших туристов было свободное время. Меня очень расстраивало то, что главным у моих одногруппниц, как мне казалось, было посещение болгарских магазинов. Они больше всего вопросов задавали Сабине именно о магазинах — где и какие лучше посетить. Я с этим свыкся и уже не вмешивался. Шёл за группой, размышляя о том, чем займусь после обеда. От мыслей меня отвлекла Инна, предложив посетить церковь Троицы Живоначальной, мимо которой мы проходили утром. Я с радостью согласился, радуясь возможности побыть наедине с моей возлюбленной феей.

Вот мы и в церкви. Для меня было удивительно увидеть ряды стульев, на которых могли расположиться верующие. В храме царил полумрак. Где-то справа были слышны голоса, но они не нарушали общей тишины, царящей вокруг. Мы с Инной присели, прижавшись друг к другу. Второй секретарь Московского райкома комсомола в церкви. Разве не удивительно? Помнится, в Созополе я впервые задумался над тем, как велико значение христианства в национальном сознании болгар. Там Христо с Иванкой показали нам церковь Успения Пресвятой Богородицы. Потом с Инной и её подругами мы обсуждали, что почти 500 лет под турецким игом, когда христианство искоренялось огнём и мечом, не привело болгар к омусульманиванию. Пусть кто-то и принимал ислам, но большинство сохранило свою религию. И духовными пастырями были священники. И утешение люди находили в церкви. И продолжали строить храмы, расписывать их стены, писать иконы, изготавливать узорчатые деревянные кресты и иконостасы.

Но больше всего меня поразило то, что болгары берегут свои церкви. И невольно я проводил аналогии с жизнью в Советском Союзе. Меня и моих сверстников воспитывали законченными атеистами: «Религия — опиум для народа». Церкви взрывались и сносились. Немногие оставшиеся использовались не для молитв и богослужения, а под склады и всякие другие нужды. В крупных городах были оставлены для бабушек редкие церковные здания. Например, ближайшая церковь в селе Беломестная Слобода Гремячевского района Московской области, где я родился, была в 30 километрах, уже на территории Рязанской области. В Болгарии же гордились своими храмами. Рассказывали, в память какого события они были построены. Рассказывали об архитектуре. Показывали замечательные фрески. Говорили об основателях. Восстанавливали разрушенные. Относились как к народным святыням.

Своим героям и героям-освободителям ставили памятники, сохраняли их имена в названиях улиц. Создавали музеи. В память о погибших строили церкви, часовни и мавзолеи. И я понял, что болгары — народ, который не забыл, что сотни лет боролся с угнетателями, во имя свободы. И символом этой свободы была возможность хранить свою веру, чтить своих святых. Но с тем же тщанием болгары сохраняли следы древности на своей земле, пусть даже это были не их предки. И пусть это были языческие древности. Мне всё это дало обильную пищу для раздумий. И я позавидовал болгарам, потому что решил для себя, что, поступая так, правы именно они. В то же время я остался при своём мнении: все религии созданы людьми, присвоившими себе право решать, что угодно богу и как ему служить. И это служение может переходить в ненавистный мне фанатизм. Но я именно тогда стал понимать, что многим людям необходима как вера в бога, так и участие пастыря, молитва, ритуал богослужения. Они необходимы, чтобы жить и выжить. Спастись от горя. Уйти от себя к Богу. Или чтобы выразить себя. И тогда у меня впервые мелькнула мысль о том, какой огромный пласт культуры выбрасывается советской властью вместе с религией. Я понял, что и в вопросе религии не могу принять точку зрения коммунистов.

В то же время для меня было однозначно, что комсомолец, принявший устав организации, не может участвовать в религиозных обрядах, потому что так становишься лицемером и лгуном. Откажись от комсомольского билета — и можешь записываться в любую религию.

Вот об этом мы рассуждали с Инной под сводами храма Троицы Живоначальной в Плевене.

— Да. Мы атеисты, — как бы подвела черту под нашими умствованиями моя спутница. — Но верить в то, что мы произошли от обезьяны, мне никак не хочется.

— Знаешь, дорогая, давай вернёмся в гостиницу, — предложил я, — закажем коньяк и эклеры в мой номер и предадимся наслаждениям. Там никто не помешает нашим разговорам. Здесь же мы становимся объектом повышенного внимания и укоризненных взглядов.

Инна согласилась со мной, открыла свою тетрадку и с выражением стала читать рубаи Омара Хайяма.

Поток времён свиреп, везде угроза,
Я уязвлён и жду всё новых ран.
В саду существ я — сжавшаяся роза,
Облито сердце кровью, как тюльпан.

Омар Хайям
(перевод Константина Бальмонта)

«…Вошли в большой, но страшно душный, горячо накалённый за день солнцем номер с белыми опущенными занавесками на окнах и двумя необожжёнными свечами на подзеркальнике, — и как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так исступлённо задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой» (*Иван Бунин «Солнечный удар»*).

Пока любовь к нам не пришла.
<…>
Она пришла в нежданный час.
Притихло всё вокруг,
И стало ясно вдруг,
Что в мире только двое нас.

(«В нежданный час»,
песня на слова Леонида Дербенёва,
музыка Арно Бабаджаняна)

А утром прощались с Плевеном. После раннего завтрака автобус с нашей молодёжной группой устремился в Софию, столицу Болгарии. «Прощай, Тученица. До новых встреч, Вита», — прокричали мои одногруппники вслед убегающей навстречу Дунаю речке. Остановка у нас была в Ботевграде, а Червен-Бряг, где жили Христо с Иванкой, остался справа. Мы успели разглядеть в окно только указатель на дороге с названием города.

— Наконец-то я увижу Святую Софию, — обратилась ко мне сидевшая рядом Инна. — Существует легенда, что султан Мехмед II хотел разрушить ненавистный ему главный христианский храм. Но красота собора так поразила его, что он приказал перестроить его в мечеть. В пятницу, на третий день после завоевания Константинополя, султан лично, с саблей в руке, читал в Святой Софии по Корану мусульманскую молитву.

Светильники горели, непонятный

Звучал язык, — великий шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадал.

Кривую саблю вскинув над толпою,
Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх
Царил в толпе, и мёртвою, слепою
Она лежала на коврах…

А утром храм был светел. Всё молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нём, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,

Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна!

Иван Бунин

— Милая Инна, — я попытался заглянуть в её глаза, — но это ведь про Константинополь, который когда-то завоевали османы, превратив самый большой православный собор Святой Софии в мечеть. Сейчас это Стамбул, город Турецкой республики.

— Ты прав, Алексей, — поддержала меня спутница, глянув в свою тетрадочку, — Святая София есть в Стамбуле, бывшей столице также бывшей Османской империи, а ныне торгово-промышленного и культурного центра Турции.

Облезлые худые кобели
С печальными, молящими глазами —
Потомки тех, что из степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Был победитель славен и богат,
И затопил он шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьград,
И предался, как сытый лев, покою.

Но дни летят, летят быстрее птиц!
И вот уже в Скутари на погосте
Чернеет лес, и тысячи гробниц
Белеют в кипарисах, точно кости.

И прах веков упал на прах святынь,
На славный город, ныне полудикий,
И вой собак звучит тоской пустынь
Под византийской ветхой базиликой.

И пуст Сераль, и смолк его фонтан,
И высохли столетние деревья…
Стамбул, Стамбул! Последний мёртвый стан
Последнего великого кочевья!

Иван Бунин

— У нас с писателем, поэтом, лауреатом Нобелевской премии, гражданином мира Иваном Алексеевичем Буниным совпадение, наверное, только в одном. Наша молодёжная группа вылетела самолётом из Одесского аэропорта в Бургас, портовый город Болгарии. Бунин своё путешествие на Восток начал в одесском морском порту на пароходе «Нахимов», — задумчиво проговорила Инна, глядя в окно…

Сейчас, когда Бунин перестал быть запретным, можно узнать, что поэт в 1903 году писал своему брату Юлию из Константинополя: «Выехал из Одессы 9 апреля… „Нахимов“ — старый, низкий пароход, но зыби не было, и шли мы сперва очень мирно, вёрст по восемь в час… Босфор поразил меня красотой, Константинополь. Часов в десять мы стали на якорь, и я отправился с монахом и греком Герасимом в Андреевское Подворье».

Вера Николаевна Муромцева-Бунина, третья жена классика, в своей книге «Жизнь Бунина (1870—1906)», изданной в Париже в 1958 году, писала: «На Башне Христа он [Бунин] переживал нечто подобное, что и у дервишей: «Тёплый сильный ветер гудит за мною в вышине, пространство точно плывёт подо мною, туманно-голубая даль тянет в бесконечность…»

<…>

Прошёл месяц, иссякли деньги, нужно возвращаться в обыденный мир, столь далёкий от того, что он пережил в этом сказочном городе: ранние утра где-нибудь в Скутари (предместья Стамбула), где тишину нарушали лишь соловьи, дни в Стамбуле, уже почти мёртвом. Там, выходя к Мраморному морю, он иногда подолгу стоял, — оно порой делалось от игры волн на солнце подлинно мраморным. Несказанно прелестны были лунные ночи, когда бывало грустно-приятно от своей отчуждённости от всего мира и от всего пережитого… Трогал его обычай, что с минарета несётся молитва («Тэмджид») о тех, кто в эту ночь страдает бессонницей».

В тихом старом городе Скутари,
Каждый раз, как только надлежит
Быть средине ночи, — раздаётся
Грустный и задумчивый Тэмджид.

Иван Бунин

Бунина сегодня порой называют «главным мусульманином русской поэзии» (*«Литературная газета», 2005, №9*). Более того, если побывать на мусульманских сайтах в интернете, можно убедиться, что мусульманский мир в России считает Бунина «своим» поэтом. И это неудивительно: ведь у него есть много произведений об арабской культуре, и в том числе — полюбившееся русскоязычным мусульманам стихотворение «Зелёный стяг».

Библия вместе с Кораном стали для Бунина выражением универсальной правды о жизни и человеке, что позже нашло своё отражение в творчестве писателя, отмечает научный сотрудник Российской академии наук, исследователь Юрий Гаврилов, который считает, что интерес к исламу побудил Бунина к путешествиям по странам мусульманского Востока: в апреле 1903 года писатель впервые посетил Константинополь.

В санкт-петербургском издательстве «Знание» в 1906 году вышел третий том собрания сочинений И. А. Бунина с разделом «Ислам», где были собраны стихотворения, написанные поэтом в годы, наступившие после его первого посещения мусульманских стран. В ходе поездки в Стамбул Бунин знакомился не только с географией, природой, историческими артефактами, архитектурными и религиозными памятниками, но и с жизнью людей простого звания, сохранивших «живое ощущение» веры. Есть свидетельства того, что русский писатель возил с собой в саквояже Коран, читал и перечитывал многие страницы священной книги мусульман. Нельзя недооценивать литературное и социально-историческое значение этой публикации для соотечественников поэта: после неудачной Русско-японской войны, событий революции 1905 года, других «ран общественного сознания», вызвавших девальвацию многих онтологических и культурных ценностей, казавшихся прежде незыблемыми, читающая Россия открывала в творчестве Ивана Алексеевича Бунина мир Востока глазами «пилигрима», отправившегося на поиски «потерянного рая», почти ничем не омрачённого.

Очень важно рассмотреть события в жизни Бунина и страны в преддверии его первого путешествия в Османскую империю. Это не только занятно, но и поможет понять душевное состояние поэта.

В начале 1889 года 18-летний Иван Бунин встретил свою первую любовь — Варвару Пащенко, которая фактически стала его женой, хотя пара так никогда и не обвенчалась. Спустя пять с половиной лет семейная жизнь тогдашнего бедного и неустроенного помощника редактора рухнула. 4 ноября 1894 года Варвара рассталась с Буниным, оставив записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом…» Вскоре она вышла замуж за друга Бунина — писателя и впоследствии актёра немого кино Арсения Бибикова. Иван Алексеевич настолько тяжело перенёс расставание с возлюбленной, что старшие братья всерьёз опасались за его жизнь…

Вера Николаевна Муромцева-Бунина в той же книге «Жизнь Бунина (1870—1906)» писала: «Эти последние годы были ознаменованы в России неожиданными событиями: 1891 — голод; 1892 — холера; 1893 — начало переселенческого движения; 1894 — смерть Александра III и вступление на престол Николая II».

Приближалась эпоха Новейшей истории. Цивилизованный мир готовился открыть первую страницу XX столетия всемирной выставкой в Париже.

«Поживши в Москве, он [Бунин] в начале 1898 года съездил в Огнёвку (хутор, принадлежавший родителям матери Бунина и расположенный между Ефремовым и Ельцом. — *Л. Л.*) на короткий срок», — читаем мы в уже известной книге «Жизнь Бунина (1870—1906)». Потом Москва, Царицыно и снова Огнёвка, в которой «он на этот раз зажился, увлёкшись писанием. И только в конце июля уехал в Люстдорф (природный климатический курорт в Одессе. — *Л. Л.*) к Фёдоровым». Казалось, что трагическая первая любовь чему-то научила писателя Бунина. К сожалению, это было не так.

Как рассказывает Вера Николаевна Муромцева-Бунина, у Фёдорова гостила греческая чета. «Цакни пригласили молодых писателей (Бунина и Куприна. — *Л. Л.*) к себе на дачу. Через несколько дней они отправились к ним. При входе в разросшийся по-южному сад они увидели настоящую красавицу, как оказалось, дочь Цакни от первого брака. Иван Алексеевич обомлел, остановился. И чуть ли не в один из ближайших вечеров сделал ей предложение. <…> В автобиографическом конспекте у Ивана Алексеевича написано: «…Внезапно сделал вечером предложение. Вид из окон из дачи (со второго этажа). Аня играла «В убежище сада…» Ночую у них, спал на балконе (это, кажется, в начале сентября). 23 сентября. Свадьба».

<…>

Новый год, — когда поднимались споры, последний ли он в XIX веке или первый в XX-том, — прошёл шумно и многолюдно с пением и музыкой. В январе обнаружилась беременность Анны Николаевны [Цакни-Буниной]. Она стала ещё обидчивее, отношения супругов делались всё напряжённей и напряжённей. Иван Алексеевич понял, что из их жизни ничего не вышло и не выйдет хорошего и, боясь за её здоровье, с совершенно разбитыми нервами, в начале марта, после длительного, упорного молчания с её стороны, «уложил свои вещи в чемодан, взял извозчика на вокзал и уехал в Москву»».

Всё повторилось снова — нет денег, нет семьи, нет любящей женщины, но есть сын Коленька. А за окном уже XX столетие с новым по сравнению с XIX веком мироощущением человека. Предшествующая эпоха представлялась исчерпанной: безвозвратно уходили в прошлое прежние формы быта, труда, организации общества, пересматривалась система духовных ценностей. О новой эпохе отзывались как о «возрождении», «переломе», «перепутье». Некоторые пытались определить её как пограничную, кризисную.

В 1900 году на территории столицы Франции провели самую незабываемую и эпичную всемирную выставку в истории. Россия блеснула в Париже не только самобытной архитектурой, оригинальной живописью и предметами прикладного искусства. Множество призов получили и промышленные, и инженерные отделы. Например, инженер Лавр Проскуряков получил золотую медаль за Красноярский железнодорожный мост. А Гран-при получила не только панорама Транссиба работы Пясецкого, но и пальма, выполненная кузнецом Мерцаловым из стального рельса. А ещё Гран-при получил «Лысьвенский доменный и молотовый завод» за кровельное железо, которым до сих пор покрыта крыша британского парламента. По рассказам моего отца, на этой выставке малой золотой медалью был награждён и мой прадедушка, Елистратов Иван Андреевич, за свои самовары.

«Из Москвы, в октябре, Иван Алексеевич (Бунин) едет в Одессу, — 30-го августа 1900 г. у него родился сын; назвали его Николаем — в честь деда Цакни. <…> Отношения с женой не улучшились. Ему стало несказанно тяжело. Анна Николаевна была самолюбива и замкнута по характеру, она чувствовала себя оскорблённой и, по-видимому, не желала даже думать о примирении. <…> В октябре одесская городская управа решила послать Куровского за границу для обследования рынков в разных городах Европы, и тот стал уговаривать своего друга ехать с ним, так как видел, что опять Бунин приходит в болезненное состояние, — и он серьёзно опасался, что отношения Цакни с Иваном Алексеевичем доведут его до тяжёлой нервной болезни.

Иван Алексеевич, подсчитав свои средства и, где-то взяв аванс, с радостью согласился, — ему было приятно отправиться в своё первое заграничное путешествие с таким тонким человеком, как Куровский.

Они «выработали маршрут» … и в самом конце октября пустились в путь». «Отъезд с Куровским за границу: Лупов, Торн, Берлин, Париж, Женевское озеро, Вена — Петербург. Потом я в Москве», — писал Бунин в дневнике. «Они побывали в Берлине, Париже, где в этом году была всемирная выставка» (*В. Н. Бунина «Жизнь Бунина»*).

Россия страдала от посещавших её время от времени эпидемий. Например, сам Николай II, молодой и здоровый мужчина, в октябре 1900 года заболел брюшным тифом, да так, что дело дошло до обсуждения вопросов о престолонаследии и даже соборовании больного. Поговаривали, что это проклятие «кровавому» царю от погибших на Ходынке во время его коронации. Там погибла моя землячка из села Беломестная Слобода Московской губернии, пожелавшая царской милости.

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,

В котором разуму — темно.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, час расплаты ждёт.
Кто начал царствовать Ходынкой,
Тот кончит, встав на эшафот.

Константин Бальмонт

Лев Николаевич Толстой, которого ранней весной 1901 года Синод отлучил от Церкви, что для Бунина, как и для всей той России, явилось большим потрясением, в 1910 году написал рассказ «Ходынка» о кровавой катастрофе в день коронации Николая II.

« — Не понимаю этого упрямства. Зачем тебе не спать и идти «в народ», когда ты можешь спокойно ехать завтра с тётей Верой прямо в павильон…

Так говорил известный всему высшему свету… князь Павел Голицын своей двадцатитрехлетней дочери Александре, по признанному за ней прозвищу «Рина». Разговор этот происходил вечером 17 мая 1896 года, в Москве, накануне народного праздника коронации.

<…>

— Да мне, папа, хочется не смотреть на народ, а быть с ним. Мне хочется видеть его отношение к молодому царю. Неужели нельзя хоть раз…

— Ну делай как хочешь, я знаю твоё упрямство.

<…>

Не успела Рина оглянуться, как… толпа понесла её куда-то… <…> Она была сильная девушка и могла бы ещё держаться… но в тот час, когда казаки бросились на толпу, чтобы разогнать её, она, Рина, отчаялась, и, как только отчаялась, ослабела, и с ней сделалось дурно. Она упала и ничего больше не помнила.

Когда она опомнилась, она лежала навзничь на траве.

<…>

Рина оглянулась на себя и увидала, что она вся растерзанная и часть груди её голая. Ей стало стыдно. Человек понял и закрыл её.

— Ничего, барышня, жива будешь».

Перед Николаем II встал сложный вопрос: вести торжества по намеченному сценарию или веселье остановить и по случаю трагедии праздник превратить в торжество поминальное. Царь, посчитав давку на Ходынке «великой трагедией», однако, отменять и омрачать празднование коронации не решился, что явилось не меньшим потрясением, чем сама катастрофа. Владимир Гиляровский, сам чудом спасшийся в давке, писал: «Праздник над трупами начался! В дальних будках ещё раздавались подарки. Программа выполнялась: на эстраде пели хоры песенников и гремели оркестры…»

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;

Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ с возвышенным челом.

Михаил Лермонтов

В 1902 году Лев Толстой напишет письмо Николаю II, в котором скажет, что «престиж царской власти… за последние 30 лет, не переставая, падал и упал в последнее время так, что во всех сословиях никто уже не стесняется смело осуждать не только распоряжения правительства, но самого царя и даже бранить его и смеяться над ним». Сын писателя, Сергей Львович, поделился впечатлениями о царе другого писателя, Чехова, который часто встречался с Львом Николаевичем: «Про него неверно говорят, что он больной, глупый, злой. Он просто обыкновенный гвардейский офицер. Я его видел в Крыму. У него здоровый вид, он только немного болен». В эти слова Антона Павловича вполне можно поверить, ведь в своих произведениях он отчётливо показывал стремительно уходящими из мира правду и красоту, считая это главной причиной приближающегося краха.

Но предсказанию Лермонтова ещё не суждено было сбыться. Лучшие врачи и лекарства империи поставили царя на ноги в 1900 году. Спустя пять недель тяжёлой болезни царь пошёл на поправку, при этом он похудел на 11 килограмм, был очень слаб и вынужден был учиться ходить по лестнице.

Российская империя в тот момент представляет собой вторую по площади державу мира, уступая только Британской империи. В России на начало 1901 года проживало около 134 миллионов человек, три четверти из них крестьянство. Людей не делили на национальности, а вот вероисповедание было чрезвычайно важно. Около 5 миллионов человек было иудеев, а мусульман в три раза больше.

Крестьянский вопрос стоит остро. Земли на всех не хватает, часть крестьян ещё с 1861 года так и не расплатилась с помещиками, у которых выкупали наделы. На неустройство крестьян и их бедность указывает в докладной записке царю министр финансов Сергей Юльевич Витте, полагая, что если не решить вопрос помощи крестьянам, то внутренние дела империи придут в упадок. Император сомневается, но понимает, что решать крестьянский вопрос нужно. Но как? Вот в чём вопрос. У кого брать землю? Да и стоит ли вообще вмешиваться?

27 февраля 1901 года 26-летний студент Пётр Карпович стреляет из револьвера в министра просвещения России Николая Павловича Боголепова. Чиновника ранят, спустя 16 дней он умрёт от заражения крови.

А между тем в семье самого царя рождается четвертая по счету дочь. Девочку назовут Анастасией, но царь с царицей мечтают о наследнике, прекрасно понимая, что именно сын укрепит власть государя.

На праздник Покрова, 14 октября, в непогожий вечер на озере Байкал тонет крупное судно «Потапов» с пассажирами. Уходят под воду 200 местных жителей.

В газетах писали ещё об одном знаковом событии, но уже касающемся технического прогресса: 3 ноября 1901 года произошла смычка рельсов на всём протяжении Великого сибирского пути (Транссиба). Теперь через всю страну можно было переправиться по железной дороге. Однако радости нет. Во всём ощущается предчувствие беды.

Новый, 1902 год драматичен и в социальном, и даже в природном смысле. Это год крупных землетрясений с тысячами погибших, крестьянских восстаний, политических стачек, убийств царских чиновников и крупных политических событий. Российская империя движется вперёд, но жизнь большинства людей складывается трудно и напряжённо. Верхи плохо понимают, что хотят низы, а если и понимают, то не готовы к проведению реформ. Низы же уже не согласны жить так, как раньше. При этом явственно ощущается, что социальная несправедливость грозит большими проблемами в будущем.

Начинается год с землетрясения в Азербайджане. Более 3000 человек погибают, тысячи домов разрушено.

Крестьянский вопрос в империи после освобождения от крепостного права так и не решён. Людям не хватает земли, продолжается массовый голод и притеснения со стороны местных помещиков. Не получив царской поддержки, в марте крестьяне начинают кровавое восстание на Полтавщине, которое затрагивает и Харьковскую губернию. Более ста помещичьих усадеб разграблено. Царь приказывает восстание подавить с помощью войск, более тысячи человек арестовано, все финансовые издержки помещикам должны выплатить осуждённые. Решать крестьянский вопрос таким образом — всё равно что тушить пожар керосином. Восстания не утихают.

Подливают масла в огонь и революционеры, грезившие о новом порядке, новой стране и социальной справедливости. Очередной жертвой стал министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин. Его смертельно ранил молодой эсер Степан Балмашев. Террориста приговаривают к казни. Его мать пишет слёзное письмо императору, тот согласен помиловать убийцу в том случае, если тот раскается. Но Балмашев отказывается подавать прошение о помиловании. Он готов пожертвовать жизнью ради революции и идёт на казнь с гордо поднятой головой.

В августе вся империя ждёт рождения пятого ребёнка в семье императора Николая II. Все надеются, что на этот раз будет мальчик, ведь в семье растёт уже четыре дочери. Императрица уверена в благополучном исходе дела — теперь с ней рядом французский маг и колдун Низье Филипп, который очаровал царскую чету. Если во Франции «магу из Лиона» приходилось довольствоваться полулегальным положением, то в России он официально сделался армейским врачом. По данным британского историка Нормана Кона, Николай II пожаловал Низье генеральский чин и назначил его государственным советником, которого, по указанию императора, академики Российской академии наук награждают званием доктора. Причём царица не допускает к себе настоящих докторов, полностью положившись на колдуна. Но роды не приходят. Тогда к роженице приводят настоящих врачей, но те только разводят руками. Они ставят Александре Фёдоровне «ложную беременность». До сих пор историки спорят, что это было, склоняясь к мысли о замершем плоде или банальном нервозе. Официально было сообщено о выкидыше. Эта новость доставила немало удовольствия и членам императорской семьи, которые Александру Фёдоровну недолюбливали, и глумливым сплетникам.

Авторитет монархии стремительно падал. А многие Романовы этого не замечали, продолжая жить в созданной в их воображении башне из слоновой кости.

В ноябре снова разгораются восстания. В Ростове-на-Дону 2 ноября 1902 года началась первая в России стачка. Измученные тяжёлым физическим трудом люди требуют 9-часового рабочего дня, повышения зарплаты на 20%, создания школы для их детей, прекращения гру-

бости и обмана со стороны начальства. Рабочий вопрос в империи стоит так же остро, как крестьянский. И нет у власть имущих политической воли, чтобы решить их.

А в городе Зее, что в Амурской области России, обыватели жалуются на бродячих свиней, которые большими стадами и в одиночку, всякого возраста и разных пород, совершенно заполнили улицы, дворы, огороды и сады обывателей. Купаясь и валяясь в лужах, они мешают движению, пугают детей; в огородах портят овощи. Обыватели обращались много раз к полиции, но, очевидно, наблюдение за поведением свиней (четвероногих, конечно) не входит в круг её обязанностей, а посему свиньи пользуются полной свободой.

Год заканчивается новым землетрясением, теперь уже в Туркестане. Снова много погибших людей, много разрушений.

У писателя и будущего нобелевского лауреата Ивана Бунина в 1902 году появился другой издатель — петербургское товарищество «Знание». Наверное, впервые гражданин мира радовался, что наконец-то у него появились деньги. Причём немалые. Можно отправиться в путешествие на Восток. Его записи: «Незабвенная весна (апрель 1903 г.), первый раз в Константинополе… Золочёный каик на Босфоре. Гребец в короткой расшитой безрукавке, в феске, толстомордая негритянка-служанка и женщина в белой лёгкой чадре и в чёрном, атласном, широком бурнусе, её молодая маленькая нога в чёрной лаковой туфельке. Пятно табачного цвета на глазных яблоках. Очень смуглый, рябой, чёрный длинный халат, феска обмотана пестро-золотистым платком».

В это время Бунин в первый раз целиком прочёл Коран, который был издан в Москве в 1865 году, а переведён на русский язык К. Николаевым с французского перевода М. Казимирского.

Вера Николаевна Муромцева-Бунина вспоминала в своей книге: «Пребывание в Константинополе я считаю самым поэтическим из всех путешествий Ивана Алексеевича: весна, полное одиночество, новый, захвативший его мир.

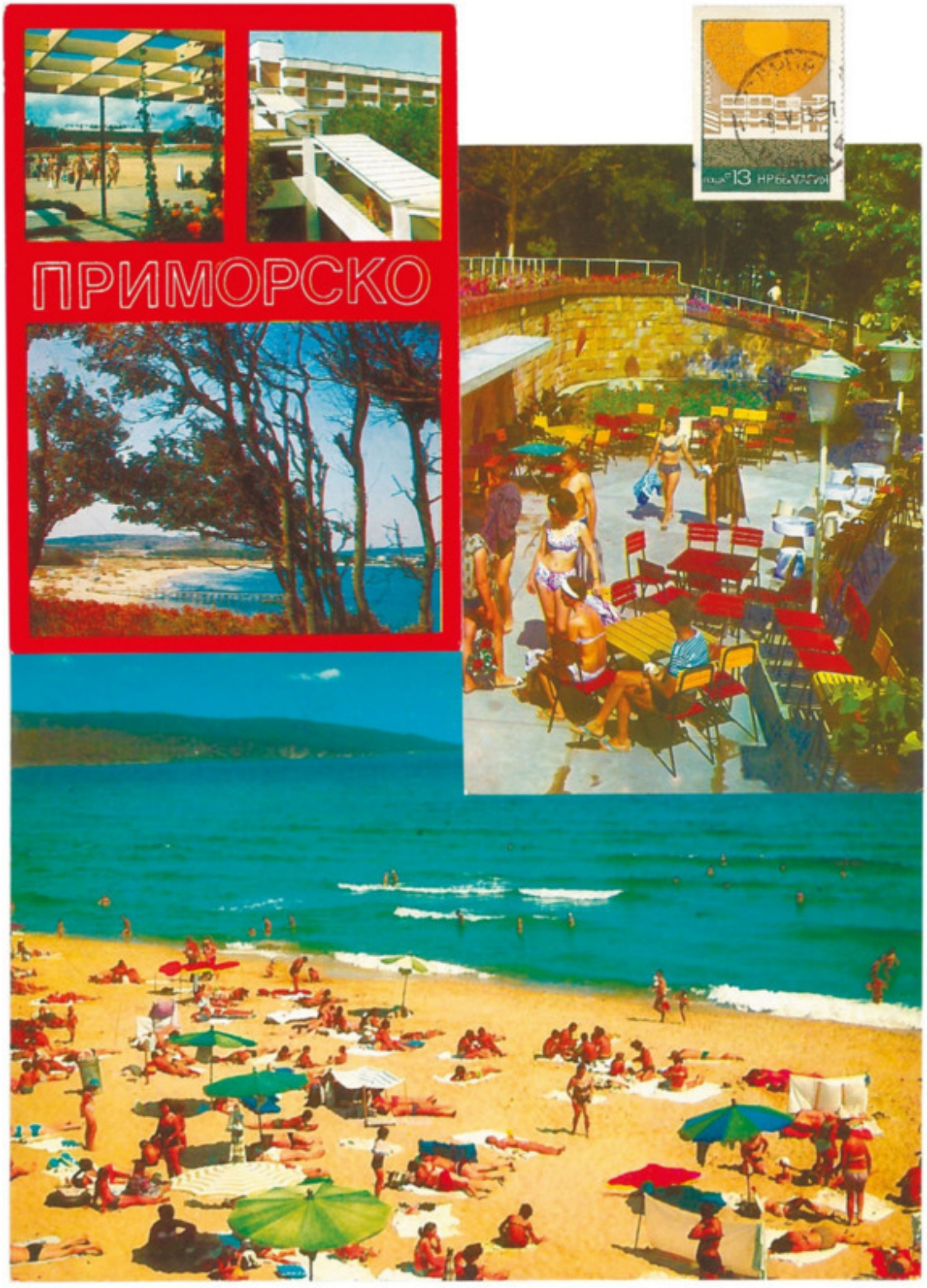
<…>

В Константинополе его поражала двойственность: величие, красота, богатство и — убожество, грязь, нищета. Босфор, Золотой Рог, Скутари «со своей деревенской тишиной, домиками с решетчатыми окнами балконов, где томятся жены не очень богатых турок, с фонтанами, с белыми изящными минаретами среди мшистых развалин, с знаменитым кладбищем под высокими густыми тёмными кипарисами, под которыми стройно белеют столбики в чалмах, где воздух оглашает пение соловьёв, говорившее о радостях любви и жизни…»

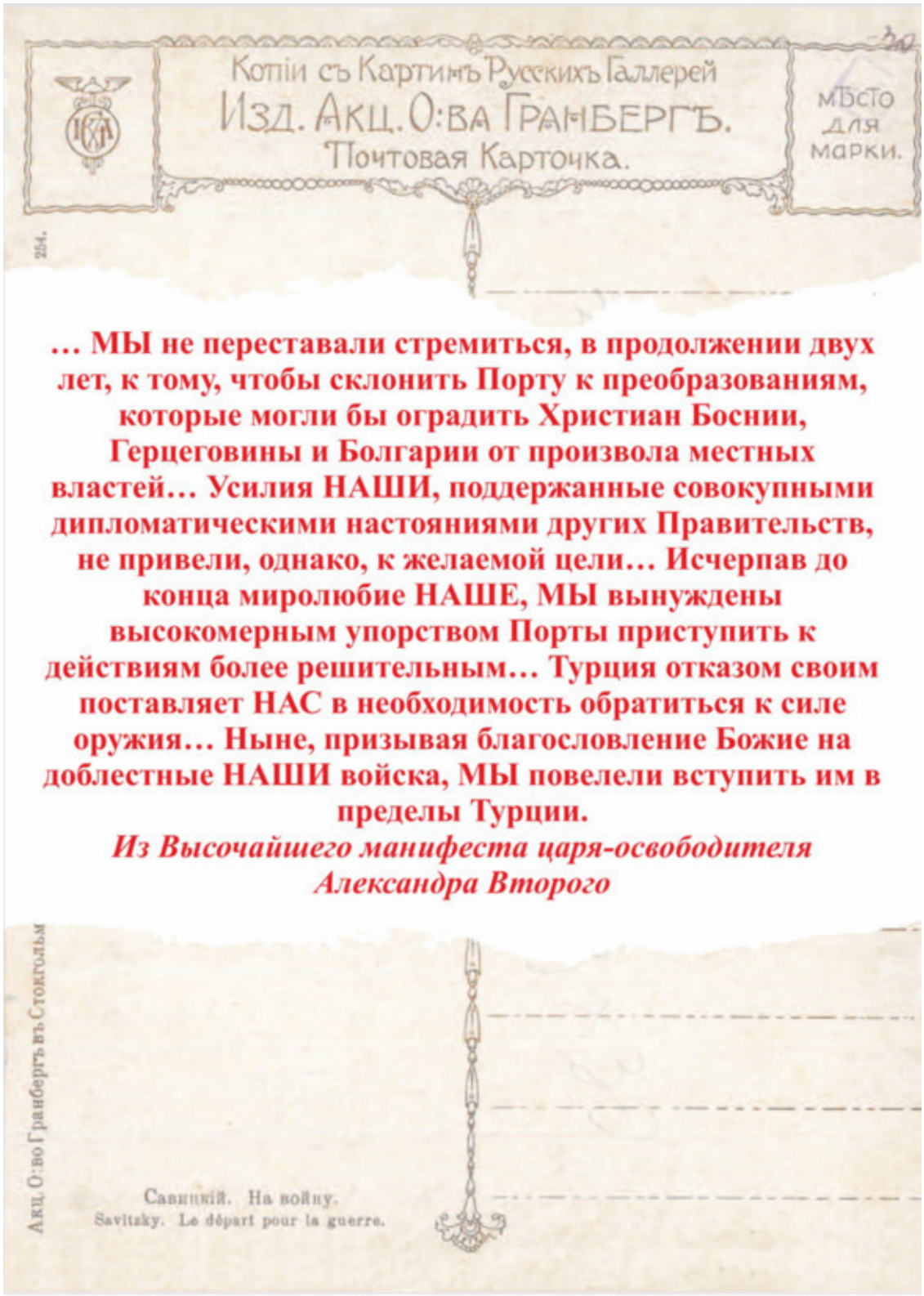
Пародия «Убийство в экспрессе»

Пародия «Айя-София»

Пародия «Восточный экспресс»



Пародия «ММЦ «Приморско»



Пародия «На войну»

Пародия «Святые защитники»

Пародия «Ослепление страстью»

«У нас с Буниным совпадение, наверное, только в одном.
Наша молодежная группа вылетает самолетом из Одесского аэропорта,
а писатель свое путешествие на Восток начал в
Одесском морском порту», – задумчиво проговорила Инна,
глядя в окно поезда «Москва – Одесса».

Пародия «Вёрсты памяти»

Элиф. Лам. Мим.

Коран

Он на клинок дохнул — и жало
Его сирийского кинжала
Померкло в дымке голубой:

Под дымкой ярче заблистали
Узоры золота на стали
Своей червонною резьбой.

«Во имя Бога и Пророка.
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?»
И он сказал: «Девиз мой страшен.
Он — тайна тайн: Элиф. Лам. Мим».

«Элиф. Лам. Мим? Но эти знаки
Темны, как путь в загробном мраке:
Сокрыл их тайну Мохаммед…»
«Молчи, молчи! — сказал он строго, —
Нет в мире Бога, кроме Бога,
Сильнее тайны — силы нет».

Иван Бунин

Стихотворения «Невольник», «Хая-Баш (Мёртвая голова)», «К Востоку», «Стамбул», датированные 1905 годом и передающие настроения «тоски», «покорности» и скуки «безнадёжного» существования под «тусклым небом», озвученного воем собак и плачем шакалов, не вошли в цикл «Ислам», поскольку их образно-семантическая специфика не отвечала поиску жизнеутверждающих состояний человеческого духа. После выхода третьего тома собрания сочинений интерес И. Бунина к восточной проблематике отнюдь не был исчерпан.

У Ивана Алексеевича Бунина его стихотворения мусульманской тематики весьма отличаются от стихотворений на те же темы предшествующих поэтов, писавших о Востоке, которые обращались более к ориентализму, нежели к реальной жизни. У Бунина — реальный Восток, и, более того, поэт через описание восточных реалий выражал свою собственную духовность.

Для поэта ислам не являлся исключительно культовым понятием: в истории народов, их религий, их прошлых и настоящих культур Бунин искал ответы на жгучие вопросы современности и пути преодоления мировоззренческих противоречий. Для этого он много путешествовал по странам Востока, — из которых самыми плодотворными оказались три поездки: в 1903, в 1907 и в 1910—1911 годах, — посетив различные города Турции, Египта, Сирии, Палестины и ряда других стран. При этом в его очерках (в которых поэт часто цитирует Библию, Коран, индийские канонические книги) отразились не только непосредственные путевые впечатления, но и углублённые размышления, порождённые кризисом, охватившим в начале XX столетия все сферы отечественной жизни, как общественной, так и индивидуальной, внутренней, — затрагивающие и экономику, и философию, и религию, и эстетику, и политику.

Бунин стал первым русским поэтом, столь глубоко проникнувшимся психологией и духовным миром восточного человека. Никто другой не передавал столь точно и подробно информацию о религиозной культуре мусульман через поэтические строки. Это высочайший поэтический синтез Востока и Запада. Память о вечных ценностях, по мысли Бунина, даёт современному человеку возможность вернуть утраченную духовную гармонию, «осознать божественное величие вселенной».

— «Кривую саблю вскинув над толпою, // Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх // Царил в толпе, и мёртвою, слепою // Она лежала на коврах…» — задумчиво повторила Инна строки из стихотворения Бунина «Айя-София». — У художника Константина Маковского есть особенная картина «Болгарские мученицы». Своей тематикой она выделяется среди его работ. Я видела у знакомой открытку с этой картиной. Действие, изображённое на полотне, происходит в православном храме. Церковь уже разграблена, осталось только расправиться с молодыми беззащитными болгарками. Турки не сохранили в душе ничего святого. У них другой бог, другая вера. Но ведь и мусульманский бог не разрешает творить такую бесчеловечность. Младенца они убьют, турки сохраняли жизнь только детям старше, чтобы продать их в рабство.

Грозные мстители смело встают,
Грозные мстители в горы идут,
Гор неприступных знакома природа,
Родина гибнет, пропала свобода…
Остро ножи отточили свои,
Нет у них родины, нет и семьи,
Жёны поруганы, дети избиты,
Мирные чувства навеки убиты,
Смело по скалам ступает нога —
Только бы выследить турка-врага,
Только отмстить за себя, за семейство,
Острым ножом наказать бы злодейство.
Или отмстить за неволю свою,
Или погибнуть в кровавом бою!..
Смело ведут юнаков воеводы,
Рыцари мести, герои свободы!..

Владимир Гиляровский

Мы помолчали.

— София для меня представляется, с одной стороны, лежащей мёртвой женщиной, убитой бандитом-башибузуком. С другой стороны, Премудростью Божией, которую автор Книги Премудрости Соломона называет «художницей всего», — нарушила молчание Инна. — Это я так представляю столицу Болгарии, святой город, который, сколько его ни пытались уничтожить завоеватели, возрождался из пепла, как птица Феникс.

Инна заглянула в свою тетрадочку и стала читать стихотворение «Ночь и день» Бунина:

Старую книгу читаю я в долгие ночи
При одиноком и тихо дрожащем огне:
«Все мимолётно — и скорби, и радость, и песни,
Вечен лишь Бог. Он в ночной неземной тишине».

Ясное небо я вижу в окно на рассвете.
Солнце восходит, и горы к лазури зовут:
«Старую книгу оставь на столе до заката.
Птицы о радости вечного Бога поют!»

В наш с Инной разговор вмешалась Сабина:

— «…Я (Премудрость) — как виноградная лоза, произращающая благодать, и цветы мои — плод славы и богатства. Приступите ко мне, желающие меня, и насыщайтесь плодами моими; ибо воспоминание обо мне слаще мёда и обладание мною приятнее медового сота. Ядущие меня ещё будут алкать, и пьющие меня ещё будут жаждать». Это из 24-го стиха Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова. В соборе Святой Софии, куда мы обязательно с вами сходим, престольный праздник 28 августа — Успение Пресвятой Богородицы. Собор был построен в IV веке при поддержке императора Константина, находится в центре болгарской столицы. Он считается величайшей исторической и культурной ценностью не только Софии и самой Болгарии, но и всего православного мира. Это одна из самых старых действующих православных церквей на свете. Её духовное значение настолько велико, что храм Софии даже изображён на гербе города.

— Комсомольцы-атеисты славят религиозные объекты и обряды, — засмеялся я. — Как же тут не удивляться.

— Алексей, мы не о религии, а об истории человеческих отношений, — возмутилась Инна. — Сколько её ни пытаются некоторые недоумки переписать, но народ обмануть трудно.

— Инна прочитала стихотворение Бунина «Айя-София», — продолжила разговор с нами Сабина. — А вы знаете, что зимой 1920 года первым городом, приютившим будущего лауреата Нобелевской премии, которого ограбили в местном отеле «Континенталь», стала София? Писатель в своих воспоминаниях написал: «…чемодан, в котором хранилось всё наше достояние, был раскрыт и ограблен дотла, — так что мы оказались уже вполне нищими, в положении совершенно отчаянном». В тот день Бунин не попал на политическую лекцию журналиста, члена Партии народной свободы Петра Рысса, которая проходила в театре «Одеон», где «меньше чем за минуту перед его [Рыссы] появлением на эстраде под ней взорвалась какая-то „адская машина“, и несколько человек, сидевших в первом ряду перед эстрадой, было убито наповал». В тех же воспоминаниях нобелевский лауреат напишет: «…однако судьба оказалась ко мне удивительно великодушна: взяла с меня большую взятку, но зато спасла меня от верной смерти». Ведь среди убитых должен был быть и Бунин, не опоздай он на лекцию. Болгарское правительство постаралось как-то помочь писателю, выдав им с женой бесплатные билеты до Белграда. «София не забывала его. Во время мирового экономического кризиса, когда Бунин попал в жёсткие материальные тиски, деньги ему прислали» из Болгарии (*Л. Спасов «Руските писатели емигранти в България през 20-те—30-те години»*).

— Сабина, а скоро уже будет Ботевград? — спросила Инна.

— Спасибо, Инна, что напомнила мне о моих обязанностях. — Наш гид взяла в руки микрофон и обратилась к туристам: — Полпути мы точно проехали. Ботевград назван в честь поэта и революционера Христо Ботева. В 1888 году в городе, называвшемся тогда Санкт-Петербург, в редакции журнала «Пантеон литературы» был издан «Сборник произведений современных славянских поэтов и народной поэзии», составителем которого был переводчик Владимир Васильевич Уманов-Каплуновский. В этом сборнике он рассказывал: «И вот, в один прекрасный день, по всей Европе была разослана по телеграфу роковая весть, что 200 молодых болгарских повстанцев, переодетых рабочими, собравшихся из различных углов Румынии, взошли на австрийский пароход „Радецкий“ и заставили силой перевести их на турецкий берег. Предводительствовал ими Ботев. Привожу здесь в переводе последнее его письмо, писанное в дороге и до сих пор ещё не напечатанное (сообщённое мне хорватом, К. Ю. Геруцом), которое прекрасно характеризует властную и вместе с тем чувствительную натуру Ботева. Вот оно: „Милые мои. Венета, Дмитрий и Иванка [жена и дети Ботева]! Простите мне, что я вам не сказал, куда отправляюсь. Любовь к вам заставила меня так поступить. Я знал, что вы будете плакать, а ваши слёзы — дороги моему сердцу. Венета, ты, как моя жена, должна повиноваться и во всё верить. Я уже просил своих друзей не оставить тебя, и они будут тебя поддерживать. Бог защитит меня и, если останусь жив, мы будем счастливейшие из смертных, а если умру…

помни, что после отечества больше всего любил я тебя и, поэтому, смотри за Иванкой и не забывай любящего тебя Христа. 17 мая 1876 г. „Радецкий““. Написав это письмо, Ботев приказал своим сотоварищам сбросить верхнюю одежду, прикрывавшую нарядный костюм. Блестящая рота ступила на родную землю, поцеловала её и пошла бороться на жизнь и на смерть. Через 2—3 дня уже никого из них не было, кроме нескольких раненых, полонённых турками. Герои защищались до последней капли крови. Ботев погиб одним из последних». Поэт Игорь Северянин, бывавший в Болгарии, посвятил Христо Ботеву своё стихотворение.

О многом мог бы рассказать Дунай:
Хотя б о том, как на пути к немецкой
Земле австрийский пароход «Радецкий»
Был полонён одной из смелых стай.

Попробуй в простолюдине узнай
Борца за независимость, в чьей детской
Душе взметнулся пламень молодецкий:
Мечта поэта, крылья распластай!

Так из Румынии, страны напротив,
Водитель чет, отважный Христо Ботев
Свою дружину сгрудил в Козлодуй,

И, на Врачанском окружён Балкане
Турецкою ордой, на поле брани
Сражён, воззвал он к смерти: «Околдуй!»

Сабина на какое-то время замолчала — перевела дыхание и попила воды, — а потом познакомила нас со стихотворением Христо Ботева «Моей первой милой», которое перевёл живший в Софии Сергей Пинус (Серапин).

Я песен любви не желаю, —
Мне в грудь не вливай ты отравы.
Я юности, юный, не знаю,
И чужды любви мне забавы;
Мне вреден огонь её, страшен:
Затоптан он мной и погашен.

Забудь уж то время и миги,
Когда я за взор твой единый
Лил слёзы, и рабства вериги
Влачил. О, забыл я годины,
Когда я в мечтаниях рая
Тобой жил, весь мир презирая.

Сабина закончила чтение, когда наш автобус припарковался на стоянке у местной гостиницы.

— Вот мы и приехали в Ботевград, — обратилась болгарка к нам, — символом города является часовая башня, мимо которой мы проехали. Всех приглашаю пройти в ресторан отеля, в котором вы сможете помыть руки и где нас ждут с обедом. В 14:00 прошу вас собраться в автобусе и не опаздывать. Мы поедем в Софию.

Часто туристы из Советского Союза обижались, что во время путешествий в Болгарию туроператоры их кормили очень экономно. Мне так не показалось. Хотя наш вариант с завтраком, обедом и ужином был не лучшим и имел очень много недостатков. Нам приходилось питаться в одном и том же месте, в одно и то же время. Это не только лишало нас выбора, но и привязывало к отелю — сложно самостоятельно отправиться на экскурсию или просто сесть в автобус и отправиться посмотреть соседний курорт. Кроме этого, завтраки в большинстве средних болгарских отелей подавали довольно рано — с 8:00. Это удобно, если вы хотели увидеть как можно больше, но было невыгодно тем, кто на отдыхе привык спать до обеда. Нужно отметить, что завтрак в таком случае мог оказаться весьма скромным — немного мяса, овощей, хлеб, джем, масло и кофе. Нашей группе повезло. Нам с утра предлагали ещё кашу. Так что еды хватало. В обед мне нравился болгарский суп таратор. Можно было заказать куриный суп. Кроме этого, был всегда овощной салат, а на второе чаще всего котлета с картофельным пюре или макаронами. Запивали туристы свой обед соком с какой-нибудь булочкой. Заканчивался день ужином тоже без каких-либо изысков. Кто хотел познакомиться с болгарской кухней, тот шёл самостоятельно в уютный ресторанчик с живой музыкой и дегустировал разнообразные блюда. Правда, это стоило денег, которые мои одногруппники предпочитали тратить на шмотки.

Кстати, куриный суп в Болгарии называют «пилешка супа». Вообще, рецептов куриного супа по-болгарски существует множество, и обычная куриная лапша в этом списке тоже присутствует. Но особенной популярностью пользуются самобытные болгарские разновидности. При их приготовлении используются характерные приёмы, которые можно применять вместе или по отдельности: подкисление и использование вкусной заправки («застройки») на основе кисломолочного продукта. С подкислением всё более или менее понятно. Можно выдавить в суп сок или положить целую дольку лимона с кожурой. Второй вариант, конечно, удобнее. Кроме того, аромат цедры очень украшает куриный суп, как ни странно. Что касается «застройки», то это — смесь компонентов, призванных сделать суп более густым и плотным. Для приготовления такой смеси используются или просто взбитые яйца, или взбитые яйца с добавлением «кисело мляко», или взбитые яйца с добавлением «кисело мляко» и муки, или взбитые яйца со сливками (с мукой или без).

«Кисело мляко» в Болгарии — это молочнокислый продукт, получаемый из свежего молока после естественной ферментации под воздействием специфических лактобактерий. По сути, это йогурт, сделанный путём закваски молока особой бактерией. Бактерия, которая превращает молоко в «кисело мляко», может обитать только в Болгарии, только в этом климате.

Самое важное в приготовлении — не допустить, чтобы «застройка» свернулась. Для этого рекомендуют снять кастрюлю с огня и оставить минут на пять, потом добавить в бульон лимонный сок и отлить часть в кастрюльку поменьше, чтобы жидкость немного остыла. Яйца (или только желтки) хорошо взбиваются в отдельной миске, к ним постепенно добавляется остывший бульон. Всё взбивается, а затем при постоянном помешивании добавляется в большую кастрюлю. До кипения доводим осторожно, постепенно, всё время помешивая. Если используется «кисело мляко», то можно обойтись без лимонного сока, технология та же. Проще всего справиться с «застройкой», в состав которой входит мука. Ещё лучше — если вместо яиц используются только желтки. В сущности, если яйца свернутся, ничего фатального не случится — суп всё равно будет вкусным, хотя и не таким красивым. Но всё-таки лучше

добиться максимальной гладкости. А дальше всё просто — возвращаем в кастрюлю куриное мясо и овощи, которые до введения «застройки» лучше вытащить, чтобы не мешали; разливаем в тарелки, посыпаем зеленью. Суп будет выглядеть чуть-чуть непривычно, словно в него добавили сметану. При желании можно его подкрасить на этапе введения «застройки», добавив ложку паприки или томатной пасты. Некоторые сразу добавляют в бульон помидор. Но это уже по желанию, как и выбор приправ. Кстати, если вы хотите приготовить самобытный вариант, не забудьте про чубрицу (чабер), что придаёт местным блюдам болгарский вкус.

В нашей группе был молодой человек, который в обед предпочитал заказывать «пилешка супа». Он очень удивлялся в конце нашего путешествия, что за четырнадцать дней вкус куриного супа ни разу не повторился.

В Болгарии «кисело мляко» используют как основу многих блюд. Например, для летнего супа таратор на основе немного разбавленного водой кислого молока с мелко порезанными огурцами, заправленного чесноком, оливковым маслом, укропом и тёртыми грецкими орехами. Также кислое молоко используют как основу холодных заливок, например для жареных кабачков, заправляют им супы, широко используют в салатах.

Две девочки с крошечными головками,
ужасно похожие друг на дружку,
тащили лапками, цепкими и ловкими,
уёмистую, как бочонок, кружку.

Мне девчонки показались занятными,
заглянул я в кружку мимо воли:
суп — с большими сальными пятнами,
а на вкус — тепловатый и без соли.

Захихикали, мигнули: «Не нравится?
да он из лучшего кошачьего сала!
наш супец — интернационально славится;
а если тошнит — так это сначала…»

Я от скуки разболтался с девчонками;
их личики непрерывно линяли,
но голосами монотонно-звонкими
они мне всё о себе рассказали:

«Личики у нас, правда, незаметные,
мы сестрицы, и мы — двойняшки;
мамаш у нас количества несметные,
и все мужчины наши папашки.

Я — Счастие, а она — Упокоение,
так зовут нас лучшие поэты…
Совсем напрасно твоё удивление:

или ты, глупый, не веришь в это?»

Такой от девчонок не ждал напасти я,
смеюсь: однако вы осмелели!
Уж не суп ли без соли — эмблема счастия?
Нет, как зовут вас на самом деле?

Хохоток их песочком сеется…
«Как зовут? Сказать ему, сестрица?
Да Привычкой и Отвычкой, разумеется!
наших имён нам нечего стыдиться.

Мы и не стыдимся их ни крошечки,
а над варевом смеяться — глупо;
мы, Привычка и Отвычка, — кошечки…
Подожди, запросишь нашего супа…»

Зинаида Гиппиус

Во время обеда в отелях, как я уже упоминал, мне нравился болгарский суп таратор. Казалось, что он чем-то напоминает окрошку, которую готовила заместитель секретаря комитета комсомола треста столовых района Екатерина, работавшая в столовой, расположенной в здании райисполкома. Обедая летом, я всегда заказывал две порции окрошки — так она мне нравилась. Повариха даже поделилась со мной своим рецептом.

Чаще всего окрошку готовят с колбасой, но Кате нравилась окрошка с отварным мясом, как моей маме. Правда, мама готовила летом окрошку с куриным мясом. Ведь в летнюю пору в сельской местности другого мяса и не найти.

Впервые об окрошке упоминается в 1790 году в книге Николая Осипова «Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха». Приведённый там рецепт очень прост: «Искрошить разных жарких мяс с луком, огурцами и сметаною, и посоля, залить огуречным рассолом, квасом или кислыми щами». Причём, когда дореволюционный писатель упоминает окрошку, скорее всего, он видит в ней исключительно крестьянское блюдо. В своей комедии «Плимутрок» Игорь Северянин писал о супе так:

Как это вам сказать? Окрошка — это крошка
Яиц крутых и мяса. Молока —
Не молока, а вроде, — да, сметаны
Вливают эти готтентоты… в квас!
И «кушанье» готово.

Дальше он называет блюдо «едой для мужиков» — и это в целом обычная точка зрения для авторов Золотого и Серебряного веков. Правда, у героя романа Ивана Гончарова «Обломов» далеко не мужик, а помещик Илья Обломов мечтает об окрошке: «…потом, как свалит жара, отправили бы телегу с самоваром, с десертом в берёзовую рощу, а не то так в поле, на скошенную траву, разостлали бы между стогами ковры и так блаженствовали бы вплоть до окрошки…»

Для окрошки лучше всего использовать несладкий квас. Специалисты советуют: если квас слишком сладкий, то можно разбавить его минеральной водой. Упомянутая мной повариха использовала квас собственного приготовления, как и моя мама. Его рецепт я расскажу чуть позже. Сначала рецепт вкуснейшей окрошки.

Ингредиенты для окрошки:
квас — 800 мл;
мясо (любое нежирное) — 150 г;
огурец свежий — 2 штуки;
редис — 4 штуки;
яйца — 2 штуки;
укроп свежий — 4 веточки;
лук зелёный — 0,5 пучка;
сметана — 2 столовые ложки;
соль — по вкусу;
перец чёрный молотый — по вкусу.

Приготовление окрошки

Подготовьте необходимые ингредиенты. Мясо должно быть отварным. Также отварить нужно и яйца. Огурцы, редиску и свежую зелень промойте и обсушите.

Огурцы очистите от кожуры, нарежьте в форме соломки и сложите в двухлитровую кастрюлю.

С редиски срежьте хвостики, а затем нарежьте её кружочками или полукружиями и переложите в кастрюлю.

Отварные яйца нарежьте половинками кружочков и отправьте в кастрюлю.

Отварное мясо нарежьте кубиками и переложите в кастрюлю.

Добавьте в кастрюлю рубленый свежий укроп.

Зелёный лук нарежьте, выложите в отдельную мисочку, добавьте соль и толкушкой разотрите лук с солью, чтобы выделился сок. Затем добавьте зелёный лук ко всем остальным ингредиентам.

Залейте ингредиенты окрошки холодным квасом.

Посолите и поперчите по вкусу. Добавьте сметану. Перемешайте.

Окрошка с мясом готова.

Однако, по рецепту моей мамы, нужно окрошке дать настояться хотя бы 1—2 часа в холодном месте. Так ингредиенты сумеют передать свой вкус друг другу, и вашему блаженству от вкуса приготовленного блюда не будет границ.

В 1964 году состоялась премьера художественного фильма «Зелёный огонёк». Фильм о весёлом московском юноше Сергее Кузнецове, который поступает на работу шофёром в таксомоторный парк и получает доживающий последние дни перед списанием «москвич». Отправившись в свою первую поездку по любимому городу, таксист старается помогать окружающим и делать свою работу добросовестно. Ему предстоит повстречать много разных людей, и в каждом он будет стараться найти что-то хорошее… «Москвич» является полноценным персонажем фильма — со своим характером, поступками и репликами. Кого только не приходилось возить московским таксистам: артистов и студентов, военных и спортсменов, жителей столицы и приезжих. И даже иностранцев. С одной такой милой парой довелось столкнуться Сергею в его первый рабочий день. Молодые французы ссорились. А потом парень вышел из машины, хлопнув дверью, и в салоне осталась только пассажирка, студентка Николь, которой хочется кофе. И Сергей везёт её в кафе, в роли которого выступил популярный в то время в Москве

ресторан «Кристалл» на Ленинском проспекте. Отличительная черта того времени: многие рестораны днём работали как столовые. Именно поэтому стала возможной встреча здесь наших героев с коллегой Сергея — опытным таксистом Борисом Ивановичем Жмуркиным. «Бо-ря», — представился он Николь, стараясь быть понятным для иностранки.

— Кофе захотела, — объясняет Сергей.

— Кофе?.. Надо бы угостить как следует. Обед по-русски: окрошка, пельмени, селёдка. Серёга, за мной.

<…>

— Значит, начнём, да?.. О-крош-ка.

— О-крош-ка. А, окрошка.

— Смотри, поняла!..

Окрошка на квасе, с мясом, овощами, яйцами и сметаной, казалась европейцам диковинной смесью ингредиентов, совершенно не сочетающихся по вкусу. Французский поэт Теофиль Готье, путешествовавший по России в XIX веке, писал: «В ароматизированном бульоне с уксусом и сахаром плавает лёд, смешанный с мясными кусками. Такой суп удивит самое экзотическое нёбо». Для французов, привыкших к крем-супам и рагу, окрошка выглядела настоящим «холодным хаосом». Тем удивительнее смотреть, как француженка Николь за обе щеки уплетает ту самую «экзотическую», а для кого-то якобы опасную окрошку.

Подавать окрошку лучше холодной, разливая её по тарелкам или глубоким мискам. При желании можно украсить каждую порцию дополнительной зеленью или ломтиком свежего огурца. Для заправки окрошки используют хлебный (ржаной, ячменный) квас, кефир, свекольный квас, айран, мацони, катык, нежирную сметану или молочную сыворотку, которые можно разбавлять водой. Мама заправляла окрошку всегда квасом.

Ингредиенты для закваски хлебного кваса:
мука ржаная — 3/4 стакана (стакан 200 мл);
вода — 1/2 стакана;
дрожжи (сухие быстрорастворимые) — 1/3 чайной ложки;
сахар — 1 чайная ложка.

Ингредиенты для кваса:
сухари — 2 горсти (примерно 100—130 г);
вода — 2800 мл;
сахар — 2 столовые ложки;
закваска — 1 столовая ложка;
изюм — 10 штук.

Приготовление закваски

Ржаную муку смешайте с дрожжами и сахаром в литровой банке. Влейте тёплую воду, перемешайте.

Прикройте марлей или кусочком ткани и отставьте в сторонку для вызревания часов на 12—14.

Готовая закваска хранится в холодном месте в плотно закрытой посуде. Сейчас это холодильник. В моём детстве вместо холодильника у нас был глубокий погреб, вырубленный в известняке, который перед весной наполняли снегом и в котором даже в жаркое лето температура не поднималась выше 10 градусов. Чтобы приготовить квас, достаточно просто достать

банку с закваской, взять необходимое количество и убрать обратно. Чтобы закваска не кончалась, вылейте в неё осадок от кваса.

Приготовление кваса

В трёхлитровую банку положите сухари. Из какого хлеба у вас будут сухари, совершенно непринципиально. Ржаные придадут напитку насыщенный цвет и характерную кислинку. С сухарями из белого хлеба квас получится более светлым и по вкусу чуть мягче. Но хорошо будет в любом случае. У мамы были ржаные сухари. Хлеб пекли в колхозной пекарне большими круглыми ковригами, или караваями. Там же можно было взять и закваски для кваса, если не хотелось готовить дома.

Залейте сухари кипятком и остудите до комнатной температуры. Воду не стоит наливать под самое горлышко банки.

Добавьте закваску и сахар (степень сладости вы можете регулировать сами). Перемешайте.

Накройте банку марлей или кусочком ткани и поставьте бродить в тёплое место.

Периодически перемешивайте.

Примерно через 14—16 часов квас уже готов, что можно определить, просто попробовав его.

Готовый квас процедите и перелейте, например, в чистую трёхлитровую банку, положив в неё изюм и закрыв крышкой.

Банку с квасом поставьте в холодное место на сутки-двое. За это время квас ещё настоится, приобретёт необходимую резкость и станет прозрачным (отстоится).

Из указанного количества ингредиентов получается 2,5 литра кваса. После употребления напитка на дне банки останется квасной осадок, который нужно просто вылить в банку с закваской. При последующем использовании слейте лишнюю жидкость, перемешайте содержимое ёмкости и добавьте закваску в новый напиток.

В Болгарии мне не довелось заказывать где-либо мясную окрошку на квасе. Там мне понравился болгарский суп таратор, который некоторые пытаются называть болгарской окрошкой. Лёгкое, освежающее блюдо, идеальное в жару.

Ингредиенты для таратора:

огурцы свежие — 300 г;
йогурт (или кефир) — 250 мл;
газированная вода — 200 мл;
грецкие орехи (очищенные) — 30 г;
чеснок — 2 зубчика;
укроп (5 веточек) — 20 г;
петрушка — 1 пучок;
оливковое (или подсолнечное) масло — 1 столовая ложка;
соль — по вкусу;
перец чёрный — по вкусу;
кинза — по вкусу;
базилик — по вкусу.

Приготовление таратора

Подготовьте необходимые ингредиенты. Основу супа составляют кисломолочные продукты. Классический таратор готовят на болгарском несладком йогурте. Но вместо йогурта

можно взять кефир или простоквашу любой густоты. Воду возьмите минеральную без газа или очищенную бутилированную.

В первую очередь вымойте огурцы, обсушите их бумажным полотенцем. Если шкурка у огурцов толстая и грубая, то срежьте её. Крупные семена лучше удалить. Натрите огурцы на крупной тёрке. По желанию можно нарезать их тонкими брусочками. Сложите в двухлитровую кастрюлю, посолите и оставьте на 5—7 минут, чтобы выделился сок.

Веточки укропа сполосните проточной водой и обсушите бумажным полотенцем. Грубые стебельки удалите, а нежную зелень мелко нарежьте и отправьте к огурцам.

Промойте водой петрушку, кинзу и базилик. Выложите зелень на бумажное полотенце и обсушите. После этого зелень мелко нашинкуйте и сложите в кастрюлю.

Измельчите грецкие орехи и чеснок в блендере и переложите в кастрюлю. Для остроты можно увеличить количество чеснока.

Влейте в миску йогурт или кефир и растительное масло. Масло можно взять любое на ваш вкус. Отлично подойдут подсолнечное или оливковое. Нерафинированное масло более ароматное.

Осталось разбавить суп водой. Добавляйте воду небольшими порциями, добиваясь нужной вам консистенции. Тщательно перемешайте суп до объединения всех ингредиентов. Попробуйте и добавьте соль и перец на свой вкус.

Болгарский суп таратор готов. Однако, как в случае с окрошкой, нужно дать супу настояться хотя бы 1—2 часа в холодном месте.

В Приморско отдыхало много молодёжи из стран Варшавского договора, особенно немцев, поляков и чехов. Когда я принимался за столом в отеле уплетать свой таратор, то чаще всего вызывал удивление у обедавших здесь же немцев. Мне это было непонятно, а Инна смеялась надо мной.

— Алексей, — сквозь смех пыталась спутница объяснить мне происходящее, — для европейцев, привыкших к более стандартным и предсказуемым блюдам, некоторые кушанья выглядят не только странно, но и потенциально опасно. Как оказалось, пугает не только необычный внешний вид или запах, но и сама идея употребления некоторых продуктов в пищу.

— Квас, известный ещё со времён «Повести временных лет», — настоящий символ русской кухни, — поддержала Инну Сабина, обедавшая с нами. — Он входит в состав многих блюд, от окрошки до маринадов, а также используется для поддачи пара в банях. Однако для иностранцев, привыкших к сладким газировкам и фильтрованным напиткам, идея пить ферментированный хлебный отвар кажется не слишком привлекательной. Если квас вызывал вопросы, то холодные русские супы приводили иностранцев в настоящий ступор. Окрошка и ботвинья — это не просто холодные супы, а настоящие гастрономические загадки. Такое же отношение к болгарскому таратору у немцев, которые не особенно любят супы. Такое мнение сложилось у меня из практики работы гидом в молодёжных лагерях.

— Я представляю лица наших западных соседей, — продолжала разговор Инна, — если бы они увидели окрошку с яблоками, огурцами, редиской, кефиром и зеленью, которую летом готовит на даче мой папа. Слишком яркие вкусы, непривычные ингредиенты, ферментированные напитки и холодные супы — всё это шокирует заморских гостей. Ещё интереснее наблюдать за немцами, когда они смотрят, как готовится окрошка с белыми грибами. У папы дача в районе станции Луговая Дмитровского направления. Ты, Алексей, должен знать эти места. Зимой лыжные районные соревнования проводятся в районе Круглого озера, а это вблизи института кормов.

— Кто не знает станцию Луговую? Фильм «Не забудь… станция Луговая» в одночасье сделал неприметную станцию Савеловского направления железной дороги знаменитой, — поспешил я поддержать разговор.

— Я тоже смотрела этот фильм, — сообщила нам Сабина, — я тогда училась на первом курсе пединститута. Очень трогательный, сильный, лиричный и пронзительный фильм. Это фильм о том, что могло быть настоящее сильное чувство между героями, если бы они встретились после войны и поженились. Фильм-притча, фильм-аллегория, путешествие в свою юность, светлое воспоминание о первой любви или сильной симпатии… Ведь у кого-то она была не взаимной, потому и не сбылась. Фильм о несостоявшемся… Несбывшемся…

— Но я не о фильме, — перебила болгарку Инна. — Я была школьницей. В институт к папе приехали два специалиста из ГДР. В выходные папа пригласил их на дачу собирать грибы. Это был июнь, и появилось много колосовиков. Так называли подосиновики, подберёзовики и белые грибы, которые появлялись, когда начинала колоситься озимая рожь. Немцы пошли с папой и со мной в близлежащий лес и с удивлением смотрели на нас, как мы собираем грибы. Потом они долго размышляли, можно ли есть папин суп, называемый окрошкой, и не хочет ли он отравить их. Ведь перед этим он порезал кубиками варёные грибы, отварную картошку, огурцы, морковь, варёные яйца и перья зелёного лука в кастрюлю, заправил крошево квасом и сметаной. Увидев, с каким наслаждением я уплетаю холодный суп, озадаченные гости попробовали его сами, а потом с удовольствием съели.

— Посёлок института кормов и дачный посёлок «Советский архитектор» в декабре 1941 года был оккупирован фашистами, — перевёл я разговор от окрошки к войне. — Хорошо, что ненадолго: оккупация продолжалась не больше недели. На Рогачевском шоссе стоит село Красная Поляна, от которого в декабре 1941 года советская армия под командованием генерала Андрея Власова, отбросив немцев, начала контрнаступление под Москвой. Власову удалось собрать мощный кулак за счёт того, что он присоединял к своей армии отдельные части разбитых советских войск, обращённых в бегство. В газетах того времени Власова именовали «спасителем Москвы». Кто мог тогда подумать, что этот генерал спустя полгода станет изменником Родины и главнокомандующим предательской Русской освободительной армии.

— Вы ведь знаете, — вспомнила войну и Сабина, — что ни один болгарский солдат не ступал на советскую землю во время той кровавой войны. Мы вместе с народами Советского Союза отмечаем девятого мая великую победу над фашистской Германией. А сейчас нам пора с вами в автобус.

В Ботевграде никто не потерялся и не отстал. Группа вовремя собралась у автобуса, и мы отправились в столицу Болгарии. Въезжали мы в Софию по бульвару, названному Ботевградское шоссе.

Язык священный прадедов моих,
Язык терзаний, стонов вековых,
Язык детей, чьё скорбное рожденье
Не радость возвещает, яд мученья.

Язык прекрасный, в полной силе встань,
Тебе ли не бросают всюду брань?
А вслушался ли кто, что в этом севе
Есть шёпот нив и сладкий звук в напеве?

Кто вник ли, как в тебе играет мощь,
И эта речь — как гулкий, звонкий дождь?
Как плеск, здесь бьётся, блеск переливая,
Какая выразительность живая?

От детских дней люба мне звучность та,
И пусть над ней нависла клевета,
Она моим пребудет вдохновеньем,
В грядущем грянет эхо звучным пеньем.

Иван Вазов
(перевод Константина Бальмонта)

Кто-то спросит: «А чем туристы занимались в дороге?» Конечно, были такие, кто всю дорогу дремали. Кто-то читал книгу. Большинство же играло. На мой взгляд, не ошибусь, если скажу, что нигде в мире так не любят игры, загадки и викторины, как в России. Можно ли забыть магическое притяжение телеэкрана, когда начиналась игра «Что? Где? Когда?», первый выпуск которой состоялся в 1975 году. Тогда ещё не было никаких магистров, чёрных ящиков и музыкальных пауз. Соревновались две семьи из Москвы — Ивановы и Кузнецовы — да и то заочно. Съёмочная группа приехала в гости сначала к одной, а потом к другой команде и задала каждой по 11 вопросов. В итоге два сюжета, разбавив их фотографиями из семейных альбомов участников, объединили в одну передачу, которую показали в четверг, 4 сентября.

Может показаться, что я осуждаю игры, но это ошибка. Наоборот, очень расстроен, что дети и взрослые забыли такие замечательные развлечения, как городки, лапта, хали-хало, казаки-разбойники, вышибалы и так далее, и тому подобное. У меня подрастают внук с внучкой, и я с грустью вижу, что нынешние дети совершенно не похожи на нас. Мы читали книги, ходили скопом в кино, а потом разыгрывали батальные сцены. Мы больше общались, дружили. А ещё мы бегали во дворах и играли. Конечно, можно много приводить причин, почему современные ребята так мало гуляют со своими сверстниками, это и криминогенная обстановка, и учёба, которой детей заваливают сверх меры, и компьютеры, но… мне их жаль — они лишены удивительных приключений и воспоминаний, которые остаются на всю жизнь.

Пылают щёки на ветру.
Он выбран, он король!
Бежит, зовёт меня в игру.
«Я все игрушки соберу,
Ну, мамочка, позволь!»

Марина Цветаева

При чём здесь игра? Очень интересный вопрос. Уже на первом свидании в ресторане, где было выступление нестинаров с танцами на углях, Инна удивилась моей улыбке с полностью закрытым ртом, при которой зубов не видно совсем.

— Алексей, ты улыбаешься как бы не губами, а глазами, — заметила спутница. — Такое ощущение, что ты боишься вида своих зубов и улыбкой глазами пытаешься отвлечь внимание собеседника ото рта к верхней части лица. У тебя здорово получается яркая, счастливая улыбка без необходимости открывать рот слишком широко. Твоя улыбка всем лицом с прищуренными глазами выглядит как искреннее выражение радости и счастья. Такую улыбку трудно подделать. Она происходит сама собой, когда для улыбки у тебя есть причины. Глядя на тебя, веришь, что ты искренне радуешься происходящему.

— Милая Инна, ты не ошибаешься, — согласился я с собеседницей. — В школе мы, бывало, на уроках физкультуры здорово баловались. Например, играли зимой на лыжах в салки. Мне нравилось скользить на лыжах по просторам Подмосковья, и у меня это неплохо получалось. Ведь неумеху не включат в сборную команду школы для выступления на район-

ных соревнованиях. Однажды мне не повезло. Я просто не рассчитал и попал под удар лыжной палки водящего. Удар был настолько неожиданным, что мне не удалось увернуться от него. С другой стороны и хорошо, что не увернулся. Острый наконечник лыжной палки попал мне прямо по верхнему среднему зубу и отколол у него половину. Представляешь, если бы я попытался увернуться, то мог бы остаться без глаза. Это было бы значительно хуже, чем отсутствие половинки одного из передних зубов. Врачи сказали, что вставлять зуб можно только ближе к моему 20-летию. Вот и стал я учиться улыбаться одними глазами, не раскрывая рта.

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь дёсны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
Как в мышеловке.

Роберт Бернс
(перевод Самуила Маршака)

В Софии мы жили в центре. Название гостиницы я не помню, да это и не главное. Приехали мы ближе к вечеру. Пока размещались, ужинали — время пробежало быстро, и подошёл час сновидений. Сабина нас всех строго-настрого предупредила, что, выйдя из гостиницы, мы встретим спекулянтов, с которыми лучше всего не общаться и на товары их не обращать никакого внимания: «Уж так сложилось в Болгарии: где советские туристы, там фарцовщики. По-моему, так называют в СССР валютных спекулянтов».

Мне было непривычно встречать у гостиниц открыто действующих спекулянтов, и это при масштабной карательной машине с разветвлённой сетью агентов, осведомителей и нештатных сотрудников. В болгарских источниках можно встретить упоминания о том, что в те времена каждый шестой болгарин был так или иначе связан с органами госбезопасности (Държавна сигурност, ДС) — либо как сотрудник или информатор, либо как объект наблюдения. ДС была одной из крупнейших репрессивных структур в социалистическом лагере, тесно сотрудничавшей со «старшими» профильными службами — КГБ СССР и Штази ГДР. Ещё в 1972 году тогдашний министр внутренних дел Димитар Стоянов с гордостью назвал болгарскую госбезопасность «региональным филиалом КГБ». Ответа на этот вопрос мне в той поездке найти не удалось. Правда, он в то время меня особенно не донимал.

Утром, как всегда, был ранний завтрак, а потом путешествие пешком по столице Болгарии — «АЙЯ-СОФИИ».

А утром храм был светел. Всё молчало
В смиренной и священной тишине,
И солнце ярко купол озаряло
В непостижимой вышине.

И голуби в нём, рея, ворковали,
И с вышины, из каждого окна,
Простор небес и воздух сладко звали
К тебе, Любовь, к тебе, Весна!

Иван Бунин

У всей группы было очень приподнятое настроение. В фойе гостиницы мне удалось купить цветы, которые хотелось возложить к одному из памятников героев, освобождавших Болгарию от османского ига. Правда, у гостиницы нас действительно встретила толпа очень назойливых торгашей. Сабина оказалась права. С трудом мы протиснулись через забор из спекулянтов.

Первой остановкой в нашей пешеходной экскурсии стал небольшой уютный сквер, в котором возвышается мемориальный обелиск. И сквер, и памятник в народе называют «Докторским». На белых каменных блоках пирамиды этого единственного в своём роде памятника высечена 531 фамилия медиков — русских, украинцев, белорусов, представителей других национальностей, погибших на полях Русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

— «Ныне, призывая благословение Божье на доблестные войска наши, мы повелели им вступить в пределы Турции. Того требуют чувство справедливости и чувство собственного нашего достоинства», — начала свой рассказ Сабина перед собравшимися вокруг неё туристами из Москвы. — С этих слов Манифеста, подписанного 12 апреля 1877 года императором Александром II, началась Русско-турецкая война 1877—1878 годов. Объявление войны было встречено с небывалым энтузиазмом всем русским народом, не говоря уже о болгарах. Особую активность проявила русская интеллигенция, и в первую очередь врачи, которые сразу стали организовывать больницы и лазареты, формировать санитарные поезда и отряды. Всего в ряды Дунайской армии, переправившейся через Дунай, вступили около 1600 врачей и около 3000 медицинских сестёр. Впервые в войне участвовали и 7800 санитаров-носильщиков. Временно возглавлял медицинскую службу всемирно известный хирург Николай Иванович Пирогов, который, несмотря на солидный возраст — ему было 67 лет, — показал удивительную работоспособность. Пирогов не только осматривал раненых и оперировал, но и занимался организацией военных госпиталей. За три месяца, проведённых в Болгарии, он посетил 10 из 13 военно-полевых больниц, сделал 600 операций, спасая жизни сотни тяжело раненных русских солдат и болгар, а вернувшись в Россию, написал, что «ни в одной из прошлых войн в войсках не было такого умственного и научного капитала, как в Болгарии». Перед нами памятник «Медицинским чинам, погибшим в турецкую войну 1877—1878», который был построен по проекту архитектора Антония Осиповича Томишко, чеха по происхождению, итальянцем Луиджи Фарабоско в 1882—1884 годы. Как видите, он выполнен из белого песчаника. Материалом для верхней части памятника послужил серый гранит. Памятник имеет форму усечённой пирамиды. Его основание представляет собой четырёхугольную площадку, а на ней — цоколь, по углам украшенный бронзовыми лавровыми венками и лентами. Верхняя часть памятника имеет форму саркофага с массивными колоннами по углам. С четырёх сторон саркофага выписаны названия населённых пунктов, рядом с которыми велись крупнейшие сражения войны: Плевна, Мечка, Шипка и Пловдив. Остальная часть монумента выполнена из грубо отёсанных прямоугольных каменных блоков, на которых высечены и закрашены чёрной краской имена 531 медицинского работника. В это число входит 110 врачей, 8 ветеринарных врачей, 8 фармацевтов, 1 студент и 404 фельдшера. В центре лицевой стороны памятника можно увидеть бронзовый прямоугольник с изображением символа медицины — чаши с обвивающей её змеёй.

Сейчас, когда я вспоминаю ту давнюю экскурсию в Докторском сквере, в голове всплывает вопрос телезрителя, который сразил знатоков игры «Что? Где? Когда?».

Итак, дело было 13 октября 2012 года. Шла вторая игра осенней серии. Первый раунд. Ведущий предоставляет слово телезрителю из Перми Маргарите Барановой.

Вопрос: «В София установлен памятник в честь российских подданных, погибших на территории Болгарии во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. На памятнике 531 фамилия. Некоторые фамилии написаны вместе с инициалами, некоторые — только с первой буквой имени, а остальные фамилии написаны вообще без инициалов. Кому установлен

этот памятник? Призовой вопрос: чьи фамилии написаны на памятнике с инициалами, чьи — только с первой буквой имени, а чьи вообще без инициалов?»

Знатоки в замешательстве. Капитан команды знатоков Владимир Кукарских пытается ответить.

Ведущий: Давайте по порядку. Кому установлен этот памятник?

Кукарских: Этот памятник установлен погибшим подданным Российской империи, представителям разных народов тогдашней Российской империи.

Ведущий: Э-э-э, чьи фамилии написаны на памятнике с инициалами… ещё раз давайте, чтоб потом разночтений не было. Итак, кому? Ещё раз повторите, пожалуйста, ответ на первый вопрос.

Кукарских: Этот памятник установлен погибшим в Русско-турецкой войне представителям разных народов Российской империи.

Ведущий: То есть их всего 531 человек?

Кукарских: Нет, только некоренных, так называемых инородцев.

Ведущий: Инородцев. А чьи фамилии написаны на памятнике с инициалами, чьи — только с первой буквой имени, а чьи вообще без инициалов?

Кукарских: С именем и отчеством — те, у кого есть отчество, только с именем — те, у кого есть только имя, а без имени и без отчества — те народы, у которых есть только прозвища, допустим тунгусы, калмыки.

Ведущий: И вы считаете, что властям Болгарии до этого есть дело?

Кукарских: Ну они пытались подчеркнуть интернациональный характер борьбы.

Ведущий: Но в вашем перечне непосредственно русских нет. То есть это памятник российским подданным, но не русским?

Кукарских: Да, русских среди них нет, потому что это памятник иным народам Российской империи.

Ведущий: Болгарии есть до этого дело…

Правильный ответ сообщает автор вопроса Маргарита Баранова: «Военные действия длились год. Погибли десятки тысяч человек. А на памятнике 531 фамилия. Явно не военных. Это памятник медицинским чинам, погибшим в турецкую войну на территории Болгарии. Фамилии врачей указаны с инициалами, с первой буквой имени — фамилии фельдшеров и медсестёр, а фамилии санитаров написаны без инициалов». Среди них значится и имя болгарского врача-ополченца Константина Везенкова.

— В истории этой войны есть одна особая страница, и она посвящена женщинам. Около трёх тысяч русских женщин покинули свои дома и сопровождали русскую армию в качестве медсестёр, фельдшеров и врачей, — продолжала рассказ болгарка. — В этой войне более 90 медсестёр переболели тифом, а 50 навсегда остались лежать в болгарской земле. Среди них и незабываемая баронесса Юлия Петровна Вревская, написавшая в своём дневнике дорогие многим болгарам слова: «Я чувствую Болгарию своей второй родиной и уже принадлежу ей всем сердцем». Когда началась Русско-турецкая война, Вревская спешно прошла курсы медицинской сестры и на свои средства организовала небольшой санитарный женский отряд. К сожалению, ухаживая за тяжелоранеными в заражённых бараках, баронесса Вревская сама заразилась тяжёлой формой сыпного тифа. За баронессой ухаживали только раненые, которым она сама ещё недавно помогала. Они же в январе 1878 года выкопали могилу в промёрзлой земле, они же несли её гроб. Похоронили Вревскую в платье сестры милосердия около православного храма в Бяла. В 1965 году здесь был установлен памятник из белого мрамора, к которому уже многие поколения болгар возлагают цветы. Хочу прочитать вам «Памяти Ю. П. Вревской (Стихотворение в прозе)» знавшего баронессу Ивана Тургенева: «На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный гошпиталь, в разорённой болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа. Она была в

беспамятстве — и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочерёдно поднимались с своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запёкшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка. Она была молода, красива; высший свет её знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились… два-три человека тайно и глубоко любили её. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слёз. Нежное кроткое сердце… и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи… она не ведала другого счастия… не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась — и вся, пылая огнём неугасимой веры, отдалась на служение ближним. Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом её тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает. Да и к чему? Жертва принесена… дело сделано. Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже её трупу — хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо»…

Группа стояла молча. Кто-то всхлипывал, кто-то платком вытирал навернувшиеся слёзы. Я с общего молчаливого согласия возложил к памятнику «Медицинским чинам, погибшим в турецкую войну 1877—1878» букет цветов.

— Нас освободили русские, — сказала Сабина, — мы это вечно будем помнить. В нашей стране создано более 400 памятников героям. Многие улицы, города и села названы в честь русских общественных деятелей того времени и полководцев, погибших в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов, когда Болгария снова обрела свободу. Этот сквер ещё называют Сад Докторов, по-болгарски — Докторска градина. Он находится между улицами Шипка и Обориште, по которой мы и пойдём дальше. Перед нами Национальная библиотека имени святых Кирилла и Мефодия. Это крупнейшее в Болгарии книгохранилище, насчитывающее более 1800 рукописных и старопечатных книг.

Россия! Как нас это имя
Пленяет — милое, родное!
Она лучами огневыми
Светила в горе наше злое!

Она нас вспомнила, когда мы
Забыты были, — чужд весь свет,
Любовь, цветок над краем ямы,
Забота, ласка и завет.

Россия! Ширь — в веках и ныне,
Размах ты с мощью разливной!
Ты схожа с небом, с бездной синей,
И только с русскою душой!

Иван Вазов
(перевод Константина Бальмонта)

Сабина быстро зашагала по чётной (южной) стороне улицы Обориште, которая считается одной из центральных улиц Софии. На ходу болгарка рассказывала: почему улица так названа — неизвестно. В 80 километрах на восток от столицы есть село Оборище (Обориште). Там ежегодно 1 и 2 мая проходят торжества в честь первого Великого народного собрания, которое проходило в апреле 1876 года и на котором было принято решение о восстании. Однако среди

депутатов был предатель. Восстание вспыхнуло преждевременно и было подавлено османскими властями. Наиболее кровавые события проходили в селе Батак и были названы батакской резнёй. Согласно оценкам, башибузуками, османскими нерегулярными войсками, было убито от 3000 до 5000 мирных жителей, включая женщин и детей. В истории Болгарии «батакская резня» стала одной из самых чёрных страниц, информация о которой была растиражирована в западной прессе благодаря Януарию Мак-Гахану. 23 июля 1876 года по заданию London Daily News журналист отправился в Болгарию расследовать действия башибузуков. Первый же репортаж из селения Батак заставил вздрогнуть хладнокровную английскую публику. Американец рассказал: турки загнали стариков и женщин в церковь, обложили здание хворостом и подожгли; мужчин пытали, требуя выдать спрятанные деньги. Он поведал о тысячах жертв с выпущенными кишками, о невестах, изнасилованных на глазах женихов, о младенцах, разорванных пополам. Как подсчитал журналист, всего башибузуки сожгли 58 болгарских населённых пунктов, и 90% погибших болгар — мирное население, не державшее в руках оружие. Мак-Гахан рассказывал в своих репортажах: «Огромное количество тел было сожжено, обугленные останки начали гнить… я не мог себе представить ничего более ужасного. Скелеты людей с остатками плоти, свисающими и разлагающимися вместе, женские черепа с волосами в пыли, кости детей повсюду. Нам показывают дома — первый, где сгорело 20 человек, и второй — где укрылась дюжина девушек, но их вытащили и зарезали… всех до одной».

Пришёл неистовый палач!..
От сёл — печальные руины,
И вместо песен — горький плач.
Сады, что рощены с любовью,
Дотла истоптаны врагом
И залиты невинной кровью…
Огонь и смерть, и ад кругом!
Весь край нашествием напуган,
Деревни пламенем горят,
Очаг семейный, храм поруган,
Лежит детей убитых ряд,
Повсюду горе и страданья,
Погибель неповинных сил,
И нежных роз благоуханье
Пожара едкий дым сменил…
А враг и режет, и сжигает,
Стенанья слышатся окрест,
И полумесяц вновь терзает
Никем не защищённый крест!..

Владимир Гиляровский

Строки Януария произвели в Британии эффект вулканической молнии. В пабах и кофейнях, в клубах и на скачках англичане обсуждали новости с далёких Балкан: а кого мы вообще защищаем в Турции? Орду бешеных убийц и ублюдков? Статьи американца перепечатали другие европейские газеты, и в турецкие «пашалыки» (провинции) массово поехали журналисты из Франции, Австрии и Германии. Они нашли подтверждение словам Мак-Гахана — оказывается, православных христиан в Турции действительно режут десятками тысяч. Разразился чудовищный скандал. Читатели европейских газет с ужасом осознавали: их политики спасали от России варварское государство, без жалости расправляющееся с сербами, греками,

армянами, болгарами… Иван Сергеевич Тургенев посвятил тем событиям своё стихотворение «Крокет в Виндзоре»:

Сидит королева в Виндзорском бору…
Придворные дамы играют
В вошедшую в моду недавно игру;
Ту крокет игру называют.
Катают шары и в отмеченный круг
Их гонят так ловко и смело…
Глядит королева, смеётся… и вдруг
Умолкла… лицо помертвело.

Ей чудится: вместо точёных шаров,
Гонимых лопаткой проворной —
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию чёрной…
То головы женщин, девиц и детей…
На лицах — следы истязаний,
И зверских обид, и звериных когтей —
Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королевина младшая дочь —
Прелестная дева — катает
Одну из голов — и всё далее, прочь —
И к царским ногам подгоняет.
Головка ребёнка, в пушистых кудрях…
И ротик лепечет укоры…
И вскрикнула тут королева — и страх
Безумный застлал её взоры.

«Мой доктор! На помощь! скорей!» И ему
Она поверяет виденье…
Но он ей в ответ: «Не дивлюсь ничему;
Газет вас расстроило чтенье.
Толкует нам «Таймс», как болгарский народ
Стал жертвой турецкого гнева…
Вот капли… примите… все это пройдёт!»
И в замок идёт королева.

Вернулась домой — и в раздумье стоит…
Склонились тяжёлые вежды…
О ужас! кровавой струёю залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!»

«Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!»

Сабина читала стихотворение Тургенева уже на площади перед собором Александра Невского, в ожидании пока группа соберётся полностью.

— Свой рассказ хочу начать с вопроса, — обратилась болгарка к туристам, — Какую главную достопримечательность в Москве вы предложили бы мне посетить, если бы я приехала к вам в гости?

— Мавзолей Ленина, — кто-то из моих спутников тут же прокричал в ответ.

— Красную площадь, — поддержал разговор другой турист.

— Храм Василия Блаженного, — ещё один ответ.

— В этот список можно ещё добавить Московский Кремль и ГУМ, — поддержала моих комсомольцев Сабина. — В Софии Кремля нет, но есть мавзолей, ЦУМ, собор Александра Невского и множество площадей. Вот одна из них — площадь святого благоверного князя Александра Невского, на которой мы стоим, а перед нами сам собор. Кстати, Болгария и русский князь Александр Невский. Какая тут связь? Всё очень просто. После освобождения Болгарии от османского ига наши жители очень хотели это запечатлеть в истории. А в особенности сказать большое-большое спасибо русскому царю Александру II, без решения которого российская армия никогда бы не форсировала Дунай и не объявила бы войны Турции. Решили построить собор и освятить его в честь небесного покровителя императора России — святого князя Александра Невского. Фактически данный собор — храм-памятник русскому народу и царю Александру II, которого в Болгарии называют освободителем, а справа от меня находится один из главных бульваров столицы, названный «Бульвар Царя-Освободителя».

При этом Сабина стояла спиной к собору и лицом к нашей группе.

— Позади вас, — продолжала болгарка рассказ, — Национальная библиотека имени святых Кирилла и Мефодия, мимо которой мы проходили, и Софийский университет имени Климента Охридского. Но вернёмся к храму-памятнику, перед которым мы стоим. Доподлинно известно, что 22 февраля 1879 года в средневековой столице Болгарии Тырнове открылось Учредительное собрание, которому предстояло выработать конституцию возрождённого болгарского государства. «Какие слова прежде всего должны прозвучать с этой трибуны?» — обратился к собравшимся депутат Марко Балабанов и сам же ответил: «Первыми с этой трибуны должны прозвучать слова признательности великому русскому народу». А 13 апреля Петко Каравелов, известный общественный деятель, в своём выступлении перед депутатами сказал: «Поскольку у нас нет памятника в честь нашего Освобождения, нравственный долг нашего народа — построить храм и посвятить его Александру Невскому — русскому святому и герою». Предложение посвятить новый храм небесному покровителю российского императора Александра II встретило всеобщее одобрение. Русский царь в сознании болгар стал царём-освободителем, именно так с той поры и по сей день его поминают в молитвах в болгарских храмах. На бульваре Царя-Освободителя в 1907 году был установлен замечательный памятник Александру II работы итальянского скульптора Арнольдо Цокки. К сожалению, с храмом-памятником всё затянулось на 45 лет. Только в сентябре 1924 года был совершён чин великого освящения кафедрального храма-памятника Святого Александра Невского: центрального престола, северного придела в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и южного придела в честь святого князя Бориса I, крестителя болгар.

Сабина перевела дыхание и пригласила нас пройти в собор Святого Александра Невского. По дороге она продолжила рассказ:

— Проект разработал Александр Никанорович Померанцев. Он же и руководил строительством. Великолепный храм, сложенный из гранита, белого камня и мрамора, воздвигли и украсили искусные мастера из семи стран. Высота его главного купола составляет 45 мет-

ров, а колокольни — 53 метра. Храм богато украшен скульптурно-декоративными элементами, витражами, мозаикой, различными металлическими конструкциями, в отделке использован белый и многоцветный итальянский мрамор, алжирский малахит, египетский алебастр, бразильский оникс, уральские самоцветы. Мраморная орнаментика, придающая особое великолепие интерьеру храма, выполнена в Италии по проектам русского художника-архитектора Александра Александровича Яковлева. Исключительным богатством убранства отличаются царский и архиерейский троны, алтарная перегородка — чудесная работа итальянских мастеров по мрамору.

Наша группа вслед за болгаркой вошла в собор. Очень трудно словами передать великолепие храма, его внутреннего убранства, описать прекрасные иконы и фрески — это надо непременно видеть. Храм отличает удивительное гармоничное сочетание высшей скорби и высшей радости, это гимн спасённой, возрождённой Болгарии, обретённой на пути подвигов и скорбей.

— Главное украшение храма — высокохудожественные росписи, — собрав нас в центре собора, продолжила Сабина свой рассказ. — Эту колоссальную работу выполнили 32 русских и 16 болгарских художников, создавших 82 иконы и 315 фресок. Главный мотив фресок — чудесное воскрешение мёртвых Иисусом Христом как олицетворение возрождения освобождённой Болгарии.

Наш неутомимый экскурсовод предложила нам самостоятельно осмотреть внутреннее убранство собора, сообщив, что будет рядом и ответит на все возникающие у нас вопросы. Мои туристы, ошеломлённые величием увиденного, принялись оглядываться вокруг и, задирая головы, рассматривать великолепные фрески.

Через полчаса группа собралась на площади перед храмом, ожидая дальнейших указаний Сабины, которая повела нас к древнейшему памятнику столицы — церкви Святой Софии, которая находится рядом с собором Александра Невского. Интересно, что, говоря слово «София», мы ставим ударение на второй слог, а болгары — на первый. Вероятно, разница ещё и в том, что мы подразумеваем, что церковь посвящена мученице Софии Римской, а болгары — Мудрости Божией.

— Учёные утверждают, что в III тысячелетии до нашей эры на месте Софии существовало поселение. Так что нашей столице около пяти тысяч лет, — рассказывала нам Сабина. — Император Константин Великий называл Сердику (как тогда называлась София), «моим Римом» и даже собирался перенести в неё столицу Римской империи, но всё-таки выбрал Византий, который назван Константинополем. Нынешнее своё название — София — город получил приблизительно в 1382 году. В эпоху Средневековья здесь побывали и печенеги, и сербы, и венгры, и рыцари-крестоносцы Фридриха Барбароссы. В 1880 году София стала столицей Болгарии. Богатая история города не могла не оставить многочисленных напоминаний о себе. София поражает численностью и красотой архитектурных и исторических памятников. Один из древнейших памятников Болгарии — собор Святой Софии — важнейший христианский храм. По имени этого храма болгарская столица и получила своё нынешнее название. За свою долгую историю собор не раз разрушался и восстанавливался. Был сооружён ещё в римские времена. Раньше на месте собора стояли две церкви, разрушенные при нашествии готов и гуннов. Полы обеих маленьких церквей были выложены мозаикой, частично сохранившейся до сих пор. Собор Святой Софии — уникальное архитектурное сооружение. Храм представляет собой трёхнефную купольную базилику, крестообразную в плане, что очень необычно для столь раннего периода. Здание увенчано плоским куполом. Подвальная часть предназначалась для захоронений. После всех перипетий истории древнее внутреннее убранство не сохранилось.

«…потом стал излагать про киевское изображение в Софийском храме, где по сторонам бога Саваофа стоят седмь крылатых архистратигов, на Потёмкина, разумеется, не похожих; а на порогах сени пророки и праотцы; ниже ступенью Моисей со скрижалию; ещё ниже Аарон в митре и с жезлом прозябшим; на других ступенях царь Давид в венце, Исаия-пророк с хартией, Иезекииль с затворёнными вратами, Даниил с камнем, и вокруг сих предстоятелей, указующих путь на небо, изображены дарования, коими сего славного пути человек достигать может, как-то: книга с семью печатями — дар премудрости; седмисвещный подсвечник — дар разума; седмь очес — дар совета; седмь трубных рогов — дар крепости; десная рука посреди седми звезд — дар видения; седмь курильниц — дар благочестия; седмь молоний — дар страха божия» (*Николай Лесков «Запечатлённый ангел»*).

Мы были перед церковью Святой Софии. Болгарка закончила рассказ, обращаясь к нам:

— Предлагаю вам зайти в Софийский собор и осмотреть его. Времени у вас полчаса.

Притихшие туристы гуськом, друг за другом стали заходить в открытую дверь древнейшего храма. Замыкали группу мы с Инной и Сабиной, которая, заглядывая в свою тетрадочку, прочитала из Книги Притчей Соломоновых: «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино своё и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: „кто неразумен, обратись сюда!“ И скудоумному она сказала: „идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразумие, и живите, и ходите путём разума“».

Инна потянула меня к рядам стульев, которые стояли слева и справа как бы в коридоре, ведущем к центральному пространству перед иконостасом. Мы, как в Плевене в церкви Святой Троицы, сели справа в первом ряду, оглядываясь вокруг.

И даже в краю наползающей тьмы,
за гранью смертельного круга,
я знаю с тобой не расстанемся мы.
Мы — память,
Мы — память.
Мы — звёздная память друг друга.

Роберт Рождественский

Наш милый и всезнающий гид Сабина тоже присела на стул в первом ряду, только слева от иконостаса.

— Алексей, — зашептала мне на ухо Инна, пытаясь не нарушить тишины собора, — в этом храме люди молятся вот уже почти 1700 лет. Взгляни на сохранившуюся кое-где мозаику. Отблески на ней от света напоминают кровь болгарских мучеников, проливавшуюся здесь неоднократно. Кто-то из папиных друзей рассказывал, что земля в Иерусалиме, как и в Константинополе, бурая от крови. Захватившие этот собор турки, как я читала в путеводителе, недолго предавались в этом пространстве своему кощунственному торжеству. Землетрясение прервало их ликование. Они хотели, как в Стамбуле, превратить собор Премудрости Божией в мечеть, но здесь не получилось. Так сильна была вера болгар в Отца и Сына и Святого Духа.

— В середине XV века здание действительно пострадало от землетрясения, — вмешалась в наш разговор подсевшая к нам Сабина. — Турки восстановили здание, но в XIX веке оно опять было разрушено двумя сильными землетрясениями. После землетрясения 1858 года упал построенный турками минарет, и турки решили, что сильно разгневали христианского бога, поэтому восстанавливать мечеть не стали и с тех пор использовали уцелевшую часть церкви только как склад. После разгрома турок в церкви отслужили благодарственный молебен в честь освободителей — войска русского генерала Гурко, весьма почитаемого в Болгарии.

В конце XIX — начале XX века остатки здания использовались в качестве постамента для пожарной каланчи. Первая попытка реставрации была предпринята в 1935 году. Работы не прекращаются по сей день. Сейчас считается, что церковь была воссоздана в том виде, какой она была в раннем Средневековье.

— Я читала, что в 343 году здесь проводился Сардикийский поместный собор, — обратилась к болгарке Инна.

— Действительно, историки сообщают, что здесь, в городе Сердике, так будет правильнее, был созван поместный собор во время правления императоров, родных братьев Констанция и Константа, первый из которых царствовал в Константинополе, а второй в Риме, — ответила Сабина. — Собор состоялся через десять лет после кончины их отца, Константина Великого. Кстати, за храмом Святой Софии находится могила известнейшего поэта Ивана Вазова, которого называют иногда патриархом болгарской литературы.

К сожалению, древнее внутреннее убранство в церкви не сохранилось, и даже наружные стены во многих местах были разрушены и восстановлены при реставрации. Собор является как бы застывшей в камне историей болгарского народа, в нём запечатлены годы становления и расцвета болгарского государства, а также тяжкие войны и мрачные столетия чужеземного ига. Реставрационные работы в соборе продолжаются. Как тут не вспомнить девиз столицы — «Растём, но не стареем». Он был вписан в 1911 году в герб Софии, созданный в 1900 году, а в 1928 году украшенный лавровыми ветвями с обеих сторон. Герб представляет собой вырезной геральдический щит, основное поле которого разделено на четыре равнозначные части. В верхней правой части изображена святая мученица София, в верхней левой части — фасад собора Святой Софии, в нижней правой части — гора Витоша, в левой нижней части — языческий храм Аполлона. На вершине герба изображена башенная корона. Корона олицетворяет собой статус города как столицы государства, а также является символическим выражением его силы и стойкости. В качестве щитодержателей выступают, как я уже сказал, две зелёные ветви лавра.

— Нам нужно двигаться дальше, — прервала наши разговоры Сабина.

На улице перед собором мы с болгаркой пересчитали группу и отправились по улице Париж и бульвару Царя-Освободителя на площадь 9 сентября, где расположен мавзолей Георгия Димитрова. Здесь Сабина нам рассказала, что Георгий Димитров был легендарным героем Болгарии и всего коммунистического движения.

— Для нас он был победителем, взявшим верх над фашистским правосудием на знаменитом Лейпцигском процессе, где коммунистов обвиняли в поджоге рейхстага, — вспоминала историю болгарка. — Гитлеру нужен был этот процесс, чтобы захватить неограниченную власть. Он даже послал выступить против Димитрова своего рейхсминистра Геринга, но и это не помогло. Димитров защищал себя сам, его речи были яркими и обличающими. На неправедном фашистском суде не фашисты судили его, а фактически он судил фашизм, и был оправдан даже этим судом. Впоследствии он был избран председателем Коминтерна, а после освобождения Болгарии стал её руководителем.

— В ночь на 9 сентября 1944 года в Софии поднялось национально-освободительное восстание, — продолжила знакомить нас с историей Болгарии Сабина. — Многие соединения и части болгарской армии встали на сторону восставшего народа. Фашистская клика была свергнута, члены регентского совета, министры и другие представители власти были арестованы. Власть в стране перешла в руки правительства Отечественного фронта, а уже 16 сентября советские войска вступили в столицу Болгарии. Правительство Отечественного фронта объявило войну Германии и её последнему сателлиту — Венгрии, распустило парламент, полицию, предприняло чистку государственного аппарата и перестройку армии, запретило нацистские организации.

— Сабина, есть мнение, что в 1943 году вашего царя Бориса III отравили в Германии. Правда ли это? — спросил кто-то из группы.

Болгарка задумалась над ответом.

— В августе 1943 года царь Болгарии Борис III встречался в Восточной Пруссии с Гитлером. Через несколько дней после возвращения в Софию царь внезапно скончался. Официальная версия смерти — от инфаркта. Вы ведь в курсе, что Болгария, присоединившись в 1941 году к Пакту трёх держав, во время Второй мировой войны не объявляла войны Советскому Союзу и не направляла свои войска на Восточный фронт. Во многом на такие решения повлияло то, что Борис был пацифистом по убеждениям, а также прорусские настроения значительной части народа. Когда я училась в Москве, интересовалась историей. Возможно, кто-то слышал о «проклятии Романовых». Якобы Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I, коронованная в Москве как русская царица, видя казнь своего трёхлетнего сына, прокляла род Романовых и предрекла ему такой же страшный конец. Будто бы она предсказывала, что ни один из Романовых никогда не умрёт своей смертью и что убийства будут продолжаться до тех пор, пока все Романовы не погибнут. Царь Болгарии Борис III был крестником вашего царя Николая II, который записал в своём дневнике в июле 1898 года: «В 5 часов прибыли Фердинанд Болгарский, его жена Мария-Луиза и мой крестник 4-летний Борис».

Будущий царь Болгарии Борис III, будучи князем, приедет в 1911 году в Киев на торжественное открытие памятника Царю-Освободителю. Здесь он станет свидетелем убийства премьер-министра Петра Столыпина, застреленного в опере. Почему мне вспомнились эти события? Известно, что 50-летний царь Николай II вместе с семьёй был расстрелян в Екатеринбурге. Досужие выдумщики связывают насильственную смерть царской семьи именно с «родовым проклятием Романовых». Этой же мифической причиной объясняют смерть царя Болгарии Бориса III, который был крестником Николая II (хотя некоторые родственники Бориса считают, что он был отравлен по приказу Гитлера). Подтверждения этим небылицам вы нигде не найдёте. Но вернёмся к нашей экскурсии. Она фактически закончена. Мы возвращаемся в отель. После обеда у вас сегодня свободное время.

То есть в мавзолей мы не попали, а отправились уже известным маршрутом в гостиницу. При этом Сабина показала, где находится археологический музей, в который у нас была запланирована экскурсия в первой половине следующего дня. Мои одногруппницы бросились расспрашивать болгарку, в какой лучше пойти магазин, а узнав про ЦУМ, стали записывать маршрут до него.

— Алексей, по магазинам мы с тобой не пойдём, а отправимся на улицу Экзарха Иосифа, в Софийскую синагогу, — предложила мне Инна. — Мне папины знакомые рассказывали про неё и очень рекомендовали к посещению.

Мне было интересно с Инной, поэтому и возражений против синагоги у меня не было.

Вставайте, граф! Рассвет уже полощется,
Из-за озёрной выглянув воды.
И кстати, та вчерашняя молочница
Уже поднялась, полная беды.
Она была робка и молчалива,
Но, ваша честь, от вас не утаю:
Вы, несомненно, сделали счастливой
Её саму и всю её семью.

Юрий Визбор

После обеда мы с Инной отправились в Софийскую синагогу, на перекрёсток улиц Экзарха Иосифа, «дипломата в рясе», как называли собирателя Болгарской православной

церкви, и Джорджа Вашингтона, который был основателем и первым президентом Соединённых Штатов Америки.

— Ты обратил внимание, — спросила Инна, — что сегодня предлагали в отеле молочный суп с вермишелью? Ещё одно непонятное для европейцев блюдо. Этот суп непременно присутствовал в школьном меню страны. Кто-то его любил, а большинство ненавидели. Больше всего школьников раздражала молочная пенка, но можно было легко её снять и насладиться интересным блюдом, аналогов которому за пределами нашей страны, как нам казалось, нет. Горячее молоко и вермишель в виде звёздочек или паутинки — это рецепт, который делает такое блюдо чуть ли не частью высокой кухни.

— Мне этот суп нравился, — возразил я собеседнице, — моё детство прошло в деревне, а там не было магазинов, где бы ты свободно купила мяса или рыбы. Выручало молоко и быстрота приготовления, что для моей мамы было тоже очень важно.

— Моё детство прошло в детском саду, — продолжила разговор спутница, — где этот суп был в меню главным. Наверное, из-за дешевизны и, как ты сказал, простоты приготовления.

Помню, что мы шли по бульвару князя Александра Дондукова. Хотя правильнее будет сказать — князь Дондуков-Корсаков, генерал от кавалерии, которого император назначил российским комиссаром в Болгарии и которому было суждено организовать новое управление княжеством Болгарским, что он выполнил блестяще. Это подтверждает заслуженная любовь и популярность князя среди болгар.

Можно сказать, что бульвар князя Александра Дондукова-Корсакова упирается в бульвар Георгия Димитрова, который после 1990 года был назван в честь Марии Луизы Бурбон-Пармской, принцессы-консорта Болгарии и жены князя, а потом царя Фердинанда I. На этом бульваре расположены ЦУМ, центральный рынок, который начал свою работу в 1911 году, так называемый «женский базар», основанный в 1878 году, а ещё мечеть Баня Баши.

— В мечеть мы точно не пойдём, — глядя на минарет, заключила Инна. — Завтра, когда вы будете в археологическом музее, мы с подружками потолкаемся на центральном рынке и в ЦУМе. Удивительно, османская империя 500 лет угнетала болгар-христиан, а вот болгары, освободившись от их ига, не запрещают мусульманам иметь свои храмы, уважают их право на сохранение своей веры.

Пройдя по бульвару Георгия Димитрова, мы поворачиваем направо, на улицу Экзарха Иосифа. Через каких-то 30—40 метров мы останавливаемся как вкопанные и замираем на какое-то время.

«И вдруг… я увидел парящий в воздухе храм. Он, как лёгкая, сделанная из папье-маше игрушка, колыхался и подпрыгивал в солнечном мареве, а туманы покачивали его на волнах своих. Храм этот плыл навстречу мне, лёгкий, белый, сказочно прекрасный. <…> А храм все ещё парил… опускаясь все ниже и ниже, и солнце играло в маковке его, и весь он был озарён светом, и дымка светилась под ним. Наконец храм опустился… утвердился. Я молча указал на него, думая, что мне пригрезилось…» (*Виктор Астафьев «Видение»*).

Разверзаются туманы,
Буревестник на волне,
Пролетают ураганы
В бесконечной вышине.
В светлый день Преображенья
Дух безумца поражён:
Из неволи, из смятенья
Голос Твой услышал он.
Ныне скорбный, ныне бедный,

В лоне Вечного Отца,
Близ Тебя, в лазури бледной
Жаждет нового конца…
Лишь одна страна в тумане
(Буревестник на волне) —
Беспокойное желанье
Вместе с Богом — в вышине.

Александр Блок

— «Софийская синагога — один из самых красивых архитектурных памятников в Болгарии, — читает Инна в путеводителе, когда мы, всё ещё не пришедшие в себя от увиденного чуда, зашли внутрь и сели на стоящие в зале стулья. — Её здание — гордость болгарской еврейской общины. Она является одной из трёх самых крупных сефардских синагог в Европе и самой большой на Балканском полуострове. Сефарды, или „испанцы“ в переводе с иврита, — это субэтническая группа евреев, которых стали так называть после их изгнания из Испании и Португалии в конце 1492 года и после исхода с Пиренейского полуострова в XVI — XVIII веках. Сефарды пользовались языком ладино, близким к испанскому, в отличие от евреев-ашкеназов, выходцев из центральной Европы, которые разговаривали на идиш, принадлежащем к германской ветви индоевропейской языковой семьи».

— В деревне, где я родился, — перебил я её, — была недостроенная кирпичная церковь, а рядом деревянная, некогда действующая, но потом ставшая колхозным складом, что произошло ещё до приезда туда моих родителей. От этих сооружений до нашего дома было не более пятидесяти метров. Напротив входа в эту деревянную церковь вверху в стене имелось окошко. Дело было осенью. Колхозникам выдавали зерно в счёт трудодней. Я, может быть четырёхлетний ребёнок, вошёл внутрь здания, разыскивая маму, и был буквально ослеплён. Вместо пыльного, загаженного мухами окна передо мной блистало яркое солнце, которого я и в жизни-то своей короткой не видел, потому что боялся на него смотреть. Сёстры пугали меня, говорили, чтобы я не смотрел на солнце, так как ослепну. Много лет спустя, когда вспоминаю тот случай, мне представляется невозможное, как будто «…просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (*Евангелие от Матфея 17:1*).

Высоко над землёю, вечерней и пленной,
Облака затаили огни.
Сколько образов, скованных жизнью мгновенной,
Пред очами проводят они.

Кто-то светлый там молится, молит кого-то,
Преклоняется, падает ниц.
И горящих небесных икон позолота
Оттеняет видения лиц.

Это храм, из воздушности светом сплетённый,
В нём кадильницы молча горят.
И стоят богомольцы толпой преклонённой,
Вырастает их призрачный ряд.

И одни возникают, другие уходят,
Прошептавши молитву свою.
И ушедшие — в мире, незримые, бродят,
Созидая покров бытию.

Из воздушного храма уносят далёко
Золотую возможность дождей,
Безотчётную веру живого потока,
И молитвенность кротких страстей.

А горячее Солнце, воззвавши их к жизни,
Наклонилось к последней черте,
И уходит к своей запредельной отчизне,
В беспредельной своей красоте.

И блаженному сладко отдавшись бессилью,
Засмотрелось, как вечер красив,
И как будто обрызгало светлою пылью
Желтизну созревающих нив.

Константин Бальмонт

— «Софийская синагога — единственный еврейский молитвенный дом в Софии, — продолжила Инна читать путеводитель. — Она действующая, и здесь регулярно проводятся религиозные обряды. Синагога построена на месте более старой, которая называлась „Ахава и хасед“ или в переводе „любовь и доброта“. Её строительство началось в 1905 году и было завершено через четыре года — в 1909 году. На открытии присутствовали царь Фердинанд с супругой и премьер-министр Болгарии, который приехал с министрами. Архитектура Софийской синагоги удивительна. Её строил самый известный архитектор в Болгарии — австриец Фридрих Грюнангер. Он был в то время королевским придворным архитектором. Архитектурный стиль здания и интерьеров является смешением мавританского возрождения и сецессиона с элементами венецианской архитектуры. Фасады украшены богатыми архитектурными элементами, пластическими орнаментами и каменной резьбой. Вокруг основного купола, по углам квадратного здания, построены четыре небольших купола. Три из четырёх наружных стен украшены двумя маленькими башенками каждая. Над западным входом есть дополнительный небольшой купол. Все 12 куполов и башенок украшены звёздами Давида, которые повёрнуты в сторону Иерусалима. Общая площадь здания 659 квадратных метров».

— К сожалению, освобождение Болгарии от османского ига не освободило страну от антисемитских настроений, а с приходом в 1940 году к власти пронацистского правительства было введено антиеврейское законодательство, во многом копировавшее законодательство Германии, — перебил я снова собеседницу. — Правда, депутаты парламента и видные деятели православной болгарской церкви, вставшие на защиту евреев, сумели приостановить их высылку. Однако спасти евреев, живших на захваченных Болгарией территориях в югославской Македонии и греческой Фракии, не удалось. Все македонские и фракийские евреи были депортированы в лагеря смерти в Польше, где подавляющее большинство их было уничтожено.

— Алексей, — сердится на меня Инна, — не хочу слушать сегодня больше о плохом. Более тридцати лет прошло со времён кровавой войны, а мы без воспоминаний о тех событиях ну никак не можем.

— Ты сама читала стихи Бунина, — заспорил я со спутницей. — «Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх // Царил в толпе, и мёртвою, слепою // Она лежала на коврах…» Тебе вспоминались «Болгарские мученицы» с открытки, а мне здесь, в синагоге, почему-то представился дом №13 из одноимённого очерка Владимира Короленко, в котором он рассказал о страшном еврейском погроме весной 1903 года в Кишинёве, подготовленном и совершившемся при участии полиции и при покровительстве высших властей.

«4-й день я в Кишинёве, — записал Короленко 13 июня [1903 г.] в своём дневнике, — и чувствую себя точно в кошмарном сне. То, что с полной психологической несомненностью выясняется передо мною, действительно похоже на дурной сон. И как в кошмаре — более всего мучит сознание бессилия…» *(«Дневник», т. IV, Госиздат Украины, 1928)*.

«Дом №13 расположен в 4-м участке города Кишинёва, в переулке…

<…>

…дом №13 похож на мертвеца: он зияет на улицу пустыми окнами с исковерканными и выбитыми рамами, с дверьми, заколоченными кое-как досками и разными обломками…

<…>

В левом углу двора, под навесом, у входа в одну из квартир, ещё виднеется ясно большое бурое пятно, в котором нетрудно узнать засохшую кровь. Она тоже смешана с обломками стекла, с кусками кирпича, извёсткой и пухом.

— Здесь убивали Гришыпуна… — сказал кто-то около нас странным глухим голосом.

<…>

Он бежал сюда… и он упал вот здесь… и тут они его убивали…

С невольным ощущением дрожи мы отошли от этого пятна, в котором кровь перемешалась с извёсткой, грязью и пухом.

<…>

Факт несомненен: в доме №13 убивали толпой беззащитных людей, убивали долго, среди людного города, точно в тёмном лесу. Трупы налицо…» (*Владимир Короленко «Дом №13»*).

Пародия «Ходынка»

Пародия «Башибузуки»

«… болгарский народ называли «диким» и «варварским». Народ, который пятьсот лет жил под иноземным игом, не утратив своего языка и национальности, наш рабочий класс и крестьянство, которые боролись и борются против болгарского фашизма, за коммунизм, - такой народ не является варварским и диким. Дикари и варвары в Болгарии – это только фашисты. Но я спрашиваю вас, господин председатель, в какой стране фашисты не варвары и не дикие?..»
Из речи Георгия Димитрова (1882-1949 гг.) на Лейпцигском процессе 1933 года

Пародия «Герой свободы»

Пародия «Проклятие Мнишек»

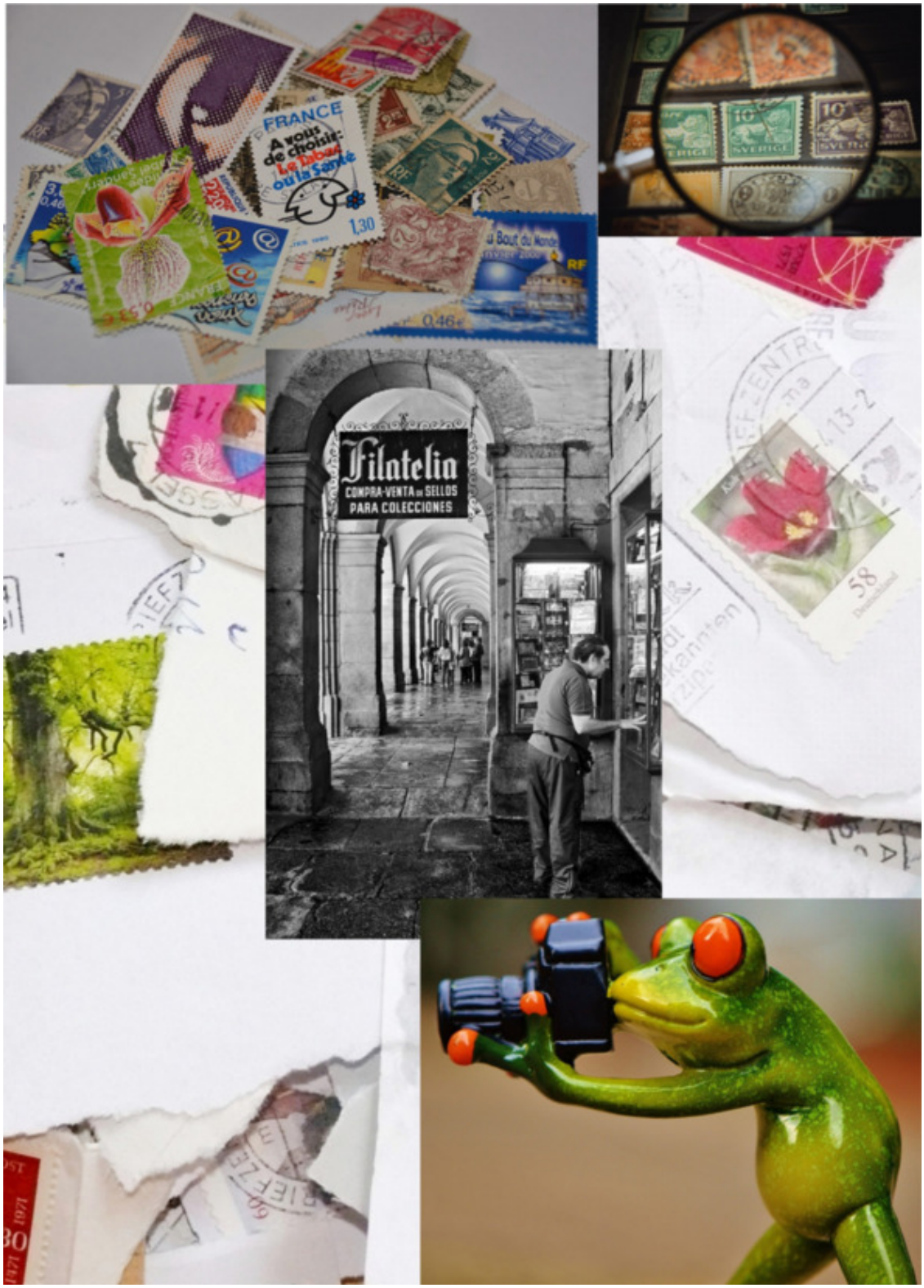
«Фашизм во внешней политике — это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов», - из выступления Г. Димитрова на судебном процессе о поджоге рейхстага, Лейпциг, 1933 год.

Пародия «Мавзолей Димитрова»

Пародия «Толерантность в Болгарии»

Пародия «Стена плача в Одессе»

Пародия «Карел Чапек»



Пародия «Филателия»

Мы с Инной сидели, прижавшись, в полумраке на стульях из славонского дуба, который является разновидностью дуба черешчатого, произрастающего в лесной полосе северо-западной стороны Чёрного моря. В синагоге было пусто и тихо. Никто не обращал внимания на нас и на наши разговоры.

— Если ты вспомнил события кровавого погрома евреев в Кишинёве, — поддержала вдруг мои воспоминания собеседница, — то у меня в тетрадочке есть перевод Владимира Жаботинского стихотворения Хаима Бялика «Сказание о погроме».

…Встань, и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой, и закрепи во взорах
Присохший на стволах и камнях и заборах
Остылый мозг и кровь комками; то — они.
Там двух убили, двух: жида с его собакой.
На ту же кучу их свалил один топор,
И вместе в их крови свинья купала рыло.
<…>
И всё мертво кругом, и только на стропилах
Живой паук: он был, когда свершалось то, —
Спроси, и проплывут перед тобой картины:
Набитый пухом их распоротой перины
Распоротый живот — и гвоздь в ноздре живой;
С пробитым теменем повешенные люди;
Зарезанная мать, и с ней, к остылой груди
Прильнувший губками, ребёнок, — и другой,
Другой, разорванный с последним криком «мама!»

Инна поперхнулась и закашлялась. Потом достала из сумки бутылочку с водой и сделала несколько глотков. Смахнув слезу, продолжила говорить:

— Я это произведение Бялика без слёз читать не могу.

— На бюро райкома комсомола, — прервал я спутницу, — время от времени приходится рассматривать вопросы об исключении очень хороших парней и девчат из комсомола за их желание уехать на свою историческую родину — в Израиль. Мне их всегда бывает очень-очень жаль. Отец мне рассказывал, что мамин брат, дядя Андрей, во время войны попал в плен в один из немецких концлагерей. Потом ему удалось оттуда бежать и снова присоединиться к сражавшимся с фашистами нашим войскам. Однако когда он вернулся после войны в Подмосковье и жил у моих родителей, то появилась опасность попасть в советскую тюрьму за пребывание в немецком плену. Выручило то, что папина сестра работала в органах НКВД и сумела, заплатив немалые деньги, выправить дяде Андрею документы. Причём собирали деньги на взятку всей улицей. Организовал сбор денег папин друг из соседней семьи, которая была из крымских татар, единственная на нашей улице среди евреев. Эта семья позднее уехала в Самарканд вслед за своими родственниками, выселенными из Крыма. Моя крестная Раиса, папина сестра, иногда ездит в Узбекистан в гости к некогда соседям.

— Сейчас выехать в Израиль стало ещё труднее, — поддержала мой рассказ Инна, — ведь наша страна разорвала с Израилем дипломатические отношения в 1967 году.

— Удивительно. Советский Союз первым признал де-юре государство Израиль и установил с ним дипломатические отношения, а сейчас никаких контактов, ни политических, ни экономических, ни культурных, — вздохнул я с сожалением, — а мне так хотелось бы съездить в Иерусалим.

— Я сожалею, — тоже вздохнула Инна, — что в Одессе было мало времени и не удалось попасть ни в Артиллерийский парк, ни на Третье еврейское кладбище. Папа рассказывал, что погибших евреев во время погрома 1905 года хоронили на Втором еврейском кладбище, которое было расположено по левую сторону от Люстдорфской дороги, ведущей к одесскому предместью Люстдорф. Для ориентира ещё называли «чумную горку». В память о жертвах

был даже возведён мемориал. Исаак Бабель описал это кладбище в рассказе «Конец богадельни»: «Старый портняжеский подмастерье показал своему начальнику столетнюю историю Одессы, покоящуюся под гранитными плитами. Он показал ему памятники и склепы экспортёров пшеницы, корабельных маклеров и негоциантов, построивших русский Марсель на месте посёлка Хаджибей. Они лежали тут — лицом к воротам — Ашкенази, Гессены и Эфрусси, — лощёные скупцы, философические гуляки, создатели богатств и одесских анекдотов. Они лежали под памятниками из Лабрадора и розового мрамора, отгороженные цепями каштанов и акаций от плебса, жавшегося к стенам». Некрополь был огорожен стеной, которая для одесских евреев была подобием Стены Плача в Иерусалиме. Но кладбище снесли. От стены остались лишь одни левые ворота с заложенным проёмом, став памятником расстрелянной у этих ворот француженке Жанне Лябурб. Теперь на этом месте, где похоронены в том числе жертвы погрома, выросли деревья и появился парк, названный «артиллерийским». А мемориал жертвам погрома перенесли на Третье еврейское кладбище, разместив в самом углу и нарушив его целостность.

Тускнеют огни,
Словно их охватила дремота,
Уснувший Париж
Переходит во власть тишины.

А парни стоят,
Ожидая всё время кого-то,
И счастья они непременно дождаться должны!

(«Уснувший Париж», песня на слова Михаила Матусовского, музыка Никиты Богословского)

— В апреле 1966 года, по-моему, была премьера фильма «Эскадра уходит на запад» о героической судьбе француженки Жанны-Мари Лябурб, расстрелянной французскими интервентами, — поддержал я размышления собеседницы. — Как-то я читал, что в 1813 году был написан очерк «Рейсдаль как поэт» — это о голландском художнике Якобе ван Рейсдале. Наиболее сложным и трагическим его произведением является «Еврейское кладбище». Я видел эту картину на открытке, которая хранилась у дяди моей мамы, на обратной стороне её было написано: «На заднем плане сквозь потоки буйного ливня виднеются жалкие руины некогда грандиозного собора, устремлённого к небесам. Его уцелевшему фронтону долго не удержаться. Всё заросло кустарником, покрылось колючками, завалено засохшими старыми деревьями. Прекрасные ценные памятники всех видов: плиты, каменные стелы — всё свидетельствует о былом значении этого места… Вероятно, когда рушились огромные здания, они засыпали, преградили и заставили мирный, спокойно текущий ручей изменить своё русло. И теперь он пролагает себе дорогу между могилами. Слабый луч света, прорезаясь сквозь ливень, освещает разбитые надгробные стелы, поседевший древесный ствол, скорбно склонившийся над ними». Кто-то сказал, что состояние кладбищ может отражать нравственное состояние общества, поскольку отношение к местам захоронений — индикатор коллективной совести.

— Хватит, Алексей, вздыхать, — вдруг засуетилась моя фея, — сегодня вечером мы идём с тобой в ресторан ужинать.

— Замечательно, — обрадовался я. — Наверное, пора нам уходить?

Мы с Инной неторопливо пошли из синагоги в свою гостиницу, предвкушая вечерние объятия.

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют.

Точно благовест Твой, весна
По весёлым идёт полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Появись, как Незримый Свет,
И на всё, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

Николай Гумилёв

Отдохнув, приняв душ и приведя себя в порядок, мы с Инной отправились в ресторан нашей гостиницы, где нас уже ждали. Моя спутница выбрала столик подальше от окон и оркестра. За окнами светило горячее летнее солнце. Зал ресторана только начал заполняться посетителями. После того как администратор усадил нас за сервированный уже стол, милая официантка принесла нам по стопке ракии и ферментированный в рассоле от маслин виноград, так называемый амюз буш. Французский термин amuse bouche в переводе значит «развлеки свой рот». В ресторанной среде так называется комплимент от шеф-повара, бесплатная миниатюрная закуска, которая подаётся перед трапезой.

— Перед тем как заказать столик в ресторане, я советовалась с Сабиной, что лучше взять нам на ужин, — сказала мне Инна. — Из вина наш гид посоветовала «Мавруд» из красного винограда, который является одним из старейших и считается одним из наиболее ценных местных сортов.

— Дорогая Инна, — взяв стопку с ракией, обратился я к своей фее, — не будем обижать шеф-повара и выпьем за нас болгарской ракии. Плохой они здесь не предложат.

Пью чертям всем назло
<…>
За огонь во взорах!

За сердечный порох!
<…>
За веселье до утра.

(Тост князя Орловского в оперетте Иоганна Штрауса «Летучая мышь», русский текст Николая Эрдмана и Михаила Вольпина)

Я выпил стопку, а собеседница, пригубив, отодвинула стопку ко мне. Мы попробовали предложенный нам виноград.

— Алексей, — как бы извиняясь, заговорила Инна, — тебе с двух напёрстков ракии ничего не будет, а я не хочу перебить вкус, предвкушая, как хорошо красное вино, которое я заказала. Сабина рассказала мне легенду про виноград Мавруд. Хан Первого Болгарского царства Крум считал, что пьянство может послужить одной из причин гибели его государства, поэтому он приказал вырубить виноградники в Болгарии. По легенде, некоторое время после этого на столицу Плиску стал нападать огромный лев, который сильно пугал людей. Никто не мог его убить. Некий воин Мавруд, услышав о льве, притеснявшем жителей, долго не раздумывая, отправился один на поиски зверя, а найдя его, в короткой схватке убил, о чём узнал хан. Крум приказал позвать Мавруда во дворец и стал спрашивать, откуда у него такая сила и храбрость. Бесстрашный Мавруд честно ответил, что до поединка выпил чашу вина, которое дала ему его мать, и что в вине источник его сил. Она втайне выращивала виноградные лозы. Хан Крум был поражён ответом храброго Мавруда. Он щедро наградил юношу и приказал восстановить виноградники в Болгарии. В честь этого бесстрашного воина и был назван сорт.

Аккуратная официантка принесла фужеры с вином, салатник с овощами, две миски с каким-то соусом, тарелку с мясом, похожим на шейку, и в прямоугольной корзинке болгарские пырленки, традиционный хлеб, который похож на лепёшки. Официантка пожелала нам приятного аппетита и удалилась, унося мою пустую стопку из-под ракии.

— Думаю, что тебе интересно познакомиться с меню предстоящего ужина, — решила порадовать меня спутница. — Представляю лёгкий салат «Болгария». Ничего особенного: помидоры, сладкий перец, маслины и брынза, чем славится эта солнечная страна. Про вино я тебе уже всё рассказала. Особо отметить нужно соус лютеница и пастрому из индейки. Соус кому-то покажется несколько остреньким, но ты, по-моему, это любишь.

— Спасибо огромное, любимая Инна, тебе за всё, — улыбнулся я возлюбленной, поднимая бокал с вином цвета яркого, насыщенного рубина «бычьей крови». — Первый тост за тебя, за твою любовь и ласку, за твою незабываемую помощь.

— Алексей, — обратилась Инна ко мне, пригубив вина, — как тебе «Мавруд»? По-моему, даже очень неплохо.

Я взглянул на бокал с вином под лучами уходящего солнца.

— Очень концентрированный напиток, почти чёрного цвета с отблесками рубинового. Интересно, что так много фруктовых вкусов, и не угадать, какой же главный. Наверное, чернослив. Хотя чувствуется привкус лекарственных трав, а может быть, лесных ягод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.